18+

ЭКСТРАСЕНСЫ

и деревенская магия

ЛИДА ГРЕЙ

Лида Грей

Экстрасенсы и деревенская магия

https://litres.ru/74790069
ISBN 9785007156950

Аннотация

Лиде тридцать шесть. У неё дочка, которую она воспитывает одна. Начальник, который не помнит её имени, и стойкое ощущение, что жизнь проходит мимо. Однажды утром она кладёт на стол заявление об уходе и уезжает в деревню, где не была с детства.

Там она обучается магии и позже участвует в «Шоу экстрасенсов». Но у любой магии есть цена, которую придется заплатить и никто не знает какой будет плата за нее.

Содержание

Экстрасенсы и деревенская магия 5
Глава 2. Поездка в деревню 19
Глава 3. Перед первым испытанием 88
Глава 4. Испытание первое 118
Глава 5. Дом с историей 148
Конец ознакомительного фрагмента. 158

Экстрасенсы и деревенская магия

Лида Грей

© Лида Грей, 2026

ISBN 978-5-0071-5695-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экстрасенсы и деревенская магия
Глава 1. Вступление

Сегодня был обычный весенний день. Только недавно снег растаял, и земля еще была довольно холодной и влажной после оттаявших сугробов. Лида Грей не спеша шла по улице и вдыхала воздух свободы. Сегодня ее уволили с работы, где она провела последние 7 лет. На ее место взяли молодую и неопытную, которая не будет возражать, будет послушно кивать и, возможно, будет отвечать взаимностью на приставания лысого директора, которого втайне ненавидел весь коллектив.

Все эти семь лет пролетели очень быстро. Она каждый раз собиралась оттуда уходить, но хотелось финансовой стабильности. Потому что одной воспитывать ребенка — это высокая ответственность, когда нельзя остановиться, уйти в отпуск или просто сесть вечером и посмотреть любимый сериал в абсолютной тишине. Но время идет, и дети подрастают. Осенью ее Алиса поступила в университет и уехала в соседний город, там нашла подработку и стала финансово независимой от матери. Лида гордилась дочерью: та еще со школы была активным ребенком, перенимала ее опыт в интернет-рекламе, пыталась запускать свои проекты, начинала вести рекламу у знакомых и находила новых клиентов. За по-

следние годы Алиса очень подросла и успела перенять очень многое от мамы, иногда Лиде даже казалось, что у дочери получается лучше, чем у мамы. Она схватывала все на лету, находила нестандартные решения. Алиса уже родилась в мире интернета, когда он проник во все сферы жизни, и она не может представить, как раньше жили без него, где общались, знакомились, переписывались.

В это время Лида вспомнила отца Алисы. Они познакомились в санатории, куда на каникулах отправил ее отец. До этого она никогда не была на море и в то время была очень рада оказаться в Геленджике с огромным количеством детей со всей страны. В один из дней она встретила его — высокого темноволосого парня с лучезарной улыбкой; когда он шутил, хотелось смеяться вместе с ним. Яркие симпатии возникли почти сразу, свежий морской воздух и яркое солнце просили романтики на берегу Черного моря, и почти все свободное время они проводили вместе, прогуливаясь по набережной, участвуя в соревнованиях, конкурсах и прочей самодеятельности. Это был счастливый период в ее жизни, и она была очень благодарна отцу, что он подарил ей эту путевку. Но все в жизни когда-то заканчивается, закончилась и их смена. Они разъехались по разным городам, но продолжали обмениваться письмами, которые писали от руки и относили на обычную почту. В этих письмах была какая-то особая романтика, не то что сейчас эти бездушные сообщения в мессенджерах и социальных сетях. Хотя за последующие два го-

да они так и не встретились, а сама переписка со временем сошла на нет.

Но вот она окончила школу, поступила в университет и очень скоро узнала, что тот самый Максим учится в том же вузе, что и она, но только на другом факультете. Потом они случайно встретились, поговорили, и как-то все завертелось заново. Время рядом с ним пролетало незаметно, а потом Лида узнала, что беременна. Вот тут и разрушилась вся их любовь. Максим заявил, что не готов стать отцом, что надо доучиться, а потом думать о детях, а сейчас лучше сделать аборт.

Его слова тогда стали для нее холодным душем, но делать аборт она, конечно же, не собиралась. Она просто перестала отвечать на его звонки, забрала документы из университета и снова вернулась к своим родителям. Мама ворчала, а вот отец, наоборот, все время ее поддерживал и морально, и материально. В то время она ни в чем не нуждалась. Но и сидеть на шее у родителей с маленьким ребенком ей не хотелось, и она начала искать какие-то подработки. Так она открыла для себя мир маркетинга и удаленной работы.

Сначала она делала небольшие сайты, добавляла туда побольше статей, а потом, когда увеличивалась посещаемость, вешала блоки с рекламой и на этом зарабатывала свои первые деньги. Однажды на одном из форумов, обсуждая проблемы с одним из своих сайтов, она прочитала у одного из пользователей, что лучше продвигать и рекламировать чу-

жие сайты, чем делать свои. После этих слов у нее как будто открылись глаза, она поняла, что действительно за этим будущее. Скоро весь бизнес перейдет в интернет, и всем им нужны будут сайты, реклама и привлечение клиентов.

Лида быстренько пробежалась по своей контактной книге в надежде предложить свои услуги по разработке и продвижению сайтов. Написала некоторым контактам, а уже через неделю сидела и делала новый сайт юридической фирме, которая пообещала ей 25 процентов от платежей всех клиентов. В ее городе у других юридических фирм не было сайтов, и этот сайт сразу выстрелил и стал приносить много клиентов, так как в поисковой выдаче был только он один и практически весь город, который был подключен к интернету, стал попадать на этот сайт при поиске юристов. Именно тогда она и получила финансовую независимость от родителей. Хотя и продолжала с ними жить, так как за Алисой тоже надо было кому-то смотреть, пока она сидит за своим компьютером.

На тот момент мир маркетинга полностью захватил Лиду, все свободное время она тратила на Алису и свою работу, а личная жизнь проходила мимо. На тот момент было очень важно, что у нее был свой маленький ребенок, которого она любила всем своим сердцем и на которого тратила всю свою любовь. За последние 17 лет Лида прошла путь от небольшого фрилансера, который перебивался с заказа на заказ, до ведущего специалиста в одном из интернет-агентств, в портфе-

ле которого были клиенты практически со всей страны и совершенно из разных сфер жизни. Но работа в офисе ее всегда напрягала, она опять хотела вернуться на фриланс, набрать собственную базу клиентов, выстраивать собственный график работы и уделять больше внимания своей семье. Но вот когда дочь поступила в университет и уехала от нее, то Лида, наоборот, стала переживать о том, что старалась всем помогать и обо всех заботиться, но совершенно не уделяла внимания самой себе.

Время до дома прошло в раздумьях и воспоминаниях. Поднявшись по лестнице, Лида не спеша открыла дверь, разулась, прошла на кухню и поставила чайник. Мамы еще не было дома, она, как и раньше, работала в школе и приходила ближе к 5 вечера. Посмотрев на часы, Лида увидела, что еще всего 15:00 и есть немного времени, чтобы провести его наедине с собой. Отца, которого она так любила и который в ней души не чаял, не стало 4 года назад. К сожалению, от инфаркта, который случился на работе, он так и не отошел и скончался уже в больнице. Он особо никогда не уделял внимания своему здоровью, не ходил к врачам, а любил много работать, говоря, что работа для него — лучший отдых. Но вот статистика врачей говорит об обратном: очень часто трудоголики, наоборот, наживают себе кучу болячек и не хотят их лечить, ссылаясь на свою занятость. Таким был и ее отец. Да она и сама такая, потому что никогда не отказывалась от доработок, подработок и дополнительных проектов.

Казалось, что когда в работе много проектов, то и сама она себя чувствовала лучше, держалась в тонусе, редко болела. Но резервы любого организма не бесконечны, и уже ближе к 35 годам она стала замечать, что понемногу начала набирать вес, больше уставать и все чаще не высыпаться. Простуда стала настигать ее чаще, а сама болезнь стала проходить намного хуже. А поднимаясь по лестнице на 5-й этаж, она стала замечать, что это дается ей все тяжелее.

Заварив себе свежего чая и усевшись на диване, Лида включила новости и погрузилась дальше в свои размышления. Устраиваться опять в интернет-агентство ей не хотелось. Просто за столько лет работы ей все это надоело, хотелось сменить обстановку, может, попробовать себя в новой должности или полностью перейти на удаленку и искать себе клиентов самостоятельно. Но этим она решила в итоге заняться после небольшого отдыха, а сейчас наконец-то уделить время себе. Да хотя бы просто элементарно выспаться и ничего не делать.

Увидев, что стрелки часов стали приближаться к 5 вечера, Лида не спеша направилась на кухню и принялась за приготовление ужина. Обычно это делала мама, так как приходила немного раньше нее.

Окинув быстрым взглядом холодильник, она достала из морозилки куриные голени, а из шкафа — пачку макарон. Пока грелась вода на макароны, она успела посолить и поперчить голени и закинуть их на сковородку жариться. Когда

ужин был почти готов, в дверях показалась мама.

— Дочка, ты уже дома? — произнесла Екатерина Сергеевна. — Что-то совсем рано сегодня.

А пройдя на кухню, она продолжила:

— Что такое? Ты не заболела? Почему сегодня не на работе?

— А все, уволили меня, не сработались мы с новым директором. Ему подавай молодых да горячих. А я ему зачем, старая такая? — сказала Лида и засмеялась.

— Это все потому, что тебе не угодишь, любишь ты со всеми поругаться да подколоть. Вот и не можешь ни с кем ужиться. Вон и мужика себе все никак не найдешь.

— Так, мама, давай только по больному не бить. Где мужик и где работа? Надо вообще такого мужика найти, чтобы не работать потом. Да где его такого найдешь, измельчали они нынче, самого надо из ложечки кормить да жопу ему вытирать.

— Ну хоть бы какого уже привела, вон кран — пришлось сантехника вызывать, а так был бы мужик, нам бы его и починил.

— Ой, хватит, не хочу с тобой спорить. Давай лучше сядем уже ужинать, у меня уже все готово.

Усевшись за стол, они включили телевизор. Там шло «Шоу экстрасенсов», на котором всякие мистические личности проходили испытания и пытались доказать, что именно они самые сильные колдуны и маги. А главный приз побе-

дителю в этом сезоне составлял 10 млн рублей. Поэтому попасть на это шоу с каждым годом желало все больше участников. Это шоу часто обвиняли в подтасовках результатов, в подсказках, но каких-то прямых доказательств, что это все лишь игра актеров, ни у кого не было. Поэтому каждый вечер миллионы телезрителей застывали у экранов в ожидании очередного чуда от экстрасенсов.

— Чем теперь займешься? — обратилась Екатерина Сергеевна к Лиде.

— Пока не знаю, хочу немного отдохнуть. Потом уже искать работу. Или вон на «Шоу экстрасенсов» пойду. Ты же сама говорила, что у меня способности есть, — ответила дочь и улыбнулась.

— Ну, одно дело бабушкам на лавочке карты раскидывать, а другое — вот так перед камерой. Это ж волнение дополнительное.

— Ай, что там волноваться, вот работу новую искать — вот где волноваться надо. А так смотри: приду — выиграю десять миллионов и потом смогу 10 лет не работать.

— Ну ты посмотри, у них у каждого свой образ. А ты обычная девушка, ничего в тебе загадочного нет. Если и пройдешь какие-то задания, то тебя все равно уберут, потому что ты на их фоне скучная будешь.

— Ну, образ создать — это вообще не проблема. На маркетплейсах сейчас каких только нарядов нет и всяких магических атрибутов. Да и в школьном театре я всегда самая

яркая была, даже хотела пойти на актерский поступать, да папа тогда строг был по этому вопросу. Говорил: пойдешь в актрисы, залетишь на первом курсе и вернешься назад.

— Ну, в чем-то он прав оказался, только забеременела ты на втором курсе, — посмеялась мама и стала наливать себе чай.

— А сейчас чем раньше родишь, тем лучше. Даже вон депутаты и врачи говорят: рожайте пораньше. Я вот тоже родила в 18, мне сейчас 36, и ничего, вся жизнь еще впереди. Отправила дочку учиться, теперь можно отдыхать, заняться собой.

— Ну вот, а мужика бы нашла, успела бы еще одного малыша сделать да поднять демографию в стране.

— Ну а вы с папой почему не поднимали? Ни братика, ни сестренки своей я что-то не наблюдаю.

— Да раньше времена были другие, хоть бы одного ребенка на ноги поставить. А тут государство создает хорошие условия, выделяет пособия, выплаты всякие. Рожай — не хочу, что еще молодежи надо? Хотят просто жить для себя, вот и все.

— Так, может, мне тоже на это шоу все-таки сходить? — задумчиво произнесла Лидия, а потом добавила: — А не знаешь, баба Маша еще жива? Ходят к ней за всякой магией?

— Вот ты вспомнила тоже, к бабе Маше уже особо никто не ездит. Она сейчас в деревне живет вместе с другой бабкой, такой же колдуньей. Не знаю, что у них там такое случилось,

но бросили они эти магические штучки все и переехали в заброшенную деревню и живут там сейчас только вдвоем. А чего ты их вспомнила?

— Да хочу у нее поучиться всяким штучкам. Так она занимательно все это делала, помню, когда меня от ночных кошмаров к ней водили, очень мне все это запомнилось, как в сказку какую-то попала, даже сейчас по телевизору нет такой картинки, как тогда в деревне.

— Ох, Лида, что ни придет тебе в голову — не переспоришь тебя потом. У меня был где-то ее телефон записан, я попозже посмотрю в телефонной книге. Если остался, я тебе его скину. Но ты с ней поосторожней, всякие слухи про нее тогда в деревне ходили, не только хорошие. Говорят, и черной магией занималась.

— Ну, я черной магии не боюсь. Если она и применяла к кому-то чернуху, то, наверное, только к злым и плохим людям. А ты на меня посмотри, какая я светленькая и добренькая.

— Ты у меня темненькая, — сказала Екатерина Сергеевна, вставая из-за стола, и погладила Лиду по голове. — А светленькая это ты в школе у меня была, когда волосы свои покрасила.

— Мам, ну я же про другое. Тут не в цвете волос дело, а в состоянии души.

— Ладно, доченька, я шучу. Пойду полежу немного, устала я уже. Хочу на пенсию, да государство не пускает, гово-

рит, надо еще несколько лет поработать.

Допив свой чай, Лида отправилась в зал вслед за своей мамой. Когда Лида вошла в комнату, мама лежала на диване и что-то листала в своем телефоне.

— Доча, а ты серьезно это про «Шоу экстрасенсов» или опять шутишь?

— Я серьезно, хочу поучаствовать. Может, даже не просто для победы, а для того, чтобы сменить обстановку. Надоело мне это однообразие каждый день, хочется чего-то нового. Да и ты меня увидишь по телевизору, будешь за меня болеть.

— Хоть бы меня после твоих выступлений из школы не выгнали, что я, ученый человек, верю во всю эту мистику, да еще и дочь туда притащила. Но если тебе все-таки надо бабы Маши телефон, то давай бери телефон — записывай. Надеюсь, это актуальный телефон. Я ее сама уже лет десять не видела.

Записав и сохранив телефон, Лида пошла на кухню и позвонила. Сначала были длинные гудки, потом кто-то ответил негромко:

— Да, слушаю.

— Здравствуйте, баб Маша, это вы?

— Да, а кто это говорит?

— Это Лида Грей, я как-то была у вас маленькой, вы еще меня лечили от ночных кошмаров. Помните меня?

— Ну и что, помогло? — раздалось из динамика смартфона.

— Что помогло? — не сразу сообразила Лида.

— Помощь моя помогла?

— Да, я тогда после вашего сеанса как уснула, так мне вообще ничего не снилось неделю. Потом стали сниться сны, но уже никаких кошмаров не было.

— А раз помогла, чего звонишь тогда?

— Хочу проконсультироваться у вас насчет вашей работы.

— Какой работы? Я уже 20 лет как на пенсии, кота накормить да курей — вот и вся моя работа на сегодня.

— Нет, я хотела, чтобы вы мне рассказали о магии, колдовстве и прочем. А также, может, чему-нибудь меня научили.

— Слушай, я старая уже стала, мне помощь по хозяйству нужна. На огороде порядок навести, воды наносить, дров заготовить на зиму. Если хочешь, приезжай — будешь помогать мне, а я тебя, может, по вечерам чему и научу. Или Никифоровна тебя подучит, она у нас старушка опытная. Мы сейчас с ней вдвоем живем. Ну и денег на продукты захвати, бесплатно тебя я кормить не собираюсь. У нас тут хоть магазина и нет, но с соседней деревни нам мужичок раз в две недели привозит продукты и прочее, что нам необходимо для жизни.

— А надолго можно приехать и когда?

— Да хоть сейчас приезжай да оставайся жить у нас.

— Ну, сейчас точно не приеду. Я вам тогда попозже набе-

ру, когда смогу приехать.

— Хорошо, внучка, договорились. А как тебя звать-то хоть?

— Лида, я же говорила в самом начале разговора.

— А, точно, старая я уже стала, ну вот и поговорили. Тогда как надумаешь, звони, пиши. Я тут почти всегда на телефоне, когда у нас связь есть, а то, знаешь, бывает такое, что и неделями тут у нас связи нет. Это уже как получится.

После короткого разговора с баб Машей Лида вернулась в комнату к матери и произнесла:

— Ну вот и договорились. Сказала, можно приезжать в любое время, так что на днях соберусь и поеду.

— А ты вообще надолго собираешься?

— Пока не знаю, если будет интересно, то да, а если скучно, то я быстро вернусь. На зиму-то точно не буду оставаться, особенно если у них с дровами там беда.

— А летом же Алиса приедет к нам погостить, а тебя нет?

— Так я к лету, может, еще успею вернуться, да и Алиса не на все лето будет приезжать, у нее же там тоже работа. Так что мы с ней договоримся, еще зелий приворотных привезу, чтобы от парней отбоя не было.

— Опять ты со своими шуточками.

Этот вечер они долго еще говорили, вспоминали прошедшие годы, отца, маленькую Алису. Много смеялись, шутили, рассказывали какие-то забавные истории, вспоминали свою деревню. Перед своим отъездом Лида решила порешать все

свои личные дела, которые накопились за последнее время, а уже потом отправиться к этим загадочным бабушкам в заброшенную деревню.

Глава 2. Поездка в деревню

Когда все дела были сделаны, а прогноз погоды обещал теплую погоду на протяжении длительного времени, Лида Грей еще раз созвонилась с баб Машей, договорилась о времени приезда, потом взяла с собой все самое необходимое и отправилась на автовокзал. До той деревни, где проживали одинокие старушки, автобусы уже не ходили, но был автобус до соседней деревни, где местный мужичок Сергей, снабжавший бабушек продуктами, должен был ее встретить и отвезти в необходимое место.

Так как автобус ходил только утром и вечером, то, недолго думая, Лида взяла билет на вечерний автобус и отправилась в свое новое приключение. Вечером на автовокзале было много народа, толпы скапливались у своих платформ, потом быстро садились в свои автобусы, а на их месте быстро собирались новые люди, желающие уехать из этого города. «И куда они все так торопятся?» — промелькнуло у Лиды в голове. На самом деле обычно Лида всегда путешествовала с утра, но сегодня не хотелось приехать и целый день пробыть в незнакомой обстановке. Она собиралась приехать ближе к вечеру, осмотреться, познакомиться и пораньше лечь спать. Так ей показалось намного комфортнее.

Сев в автобус, она расположилась у окна и смотрела, как мимо стали проноситься деревья, поля, незнакомые ей на-

селенные пункты. Потом автобус съехал с главной дороги и продолжил свой путь по грунтовой сельской дороге, которая, несмотря на весну, держалась довольно прилично и позволила доехать до самой остановки. В самой деревне еще виднелись остатки асфальта, но было видно, что никто деревней особо не занимался и она доживала свой век, как и сотни таких же деревень по всей России.

На остановке ее уже ожидал Сергей. Это оказался довольно веселый и высокий мужчина лет 50. Он рассказал, что все, что просили бабки, он уже купил и готов ехать. Потом пригласил Лиду сесть в машину, и они продолжили путь дальше. Деревня Лесная находилась не очень далеко, но дорога туда уже лежала через самый настоящий лес, который грозился захватить ее и перекрыть путь в Лесную. Дорога показалась Лиде настолько узкой, что, если на секунду задуматься, можно было врезаться в одно из многочисленных деревьев, которые возникали у них на пути. Особенно учитывая, что ветки то и дело задевали машину, когда она проезжала мимо них. «Как будто не пускают и хотят меня задержать», — почему-то подумалось в тот момент Лиде.

Но тут лес неожиданно кончился, и перед ними раскинулась совсем небольшая деревушка домов на 30. Причем некоторые дома сохранились довольно неплохо, и Лида подумала даже сначала, что бабули тут живут не одни. Но, присмотревшись более внимательно, она поняла, что ошиблась. Почти все тропинки к домам были заросшими, ворота поко-

сившимися, а крыши у некоторых домов и вовсе уже провалились. Остановившись у одного из домов, Сергей вышел из машины и стал доставать пакеты с продуктами. В основном это были крупы, консервы и прочие продукты с долгим сроком хранения. Молоко и хлеб бабушки обычно не заказывали, так как возле дома бегала небольшая коза, которая сразу оживилась, увидев гостей, а хлеб они пекли сами, и получался он у них такой вкусный и ароматный, что Сергей еще и сам просил дать ему одну буханку, а за это привозил им муку совершенно бесплатно.

Из дома не спеша стали выходить две бабушки, которые были полной противоположностью друг другу. Баба Маша была высокая и достаточно упитанная, а вторая, Вера Никифоровна, наоборот, худая и такая маленькая, что издалека могло показаться, что это ее внучка бегает вокруг бабушки.

— Приветствую вас, гости дорогие, — заговорила первой баба Маша и продолжила: — Ну, наконец-то приехали, а то нам тут совсем скучно. У нас уже вторую неделю телевизор не ловит, так мы совсем уже тут скучаем с моей подруженькой. Так гости теперь нас будут развлекать. Так что давайте проходите, чай будем пить.

Снаружи дом выглядел вполне обычно, и ничего не выдавало, что здесь живут две колдуньи. Да и сами бабушки были обычными женщинами в преклонном возрасте, в которых ничего не выдавало магической силы. Поднявшись по небольшому крыльцу, Лида зашла в дом самая последняя. В

коридоре было довольно просторно. На кухне стояла небольшая печка, которая не только обогревала дом в холодную погоду, но и периодически служила для приготовления пищи, чтобы лишний раз не использовать газ, который у бабушек был в баллонах. И хоть Сергей тоже периодически привозил им газ, но все это стоило денег, и бабушки, как и раньше, считали, что лучше насобирать немного дров в округе, чем каждый раз просить Сергея привезти им новый баллон.

— Проходи, Лида, садись, — продолжила баба Маша. — Как доехала? Нравится наша деревня? Захочешь убежать — не убежишь.

— Ну, я пока и не собираюсь никуда убегать. А в деревне пока не разобралась еще, вроде вполне обычная и совсем не загадочная, как я себе представляла до этого.

На столе стоял небольшой пирог. Было видно, что старушки уже приготовились к приезду гостей. А в это время баба Маша уже наливала по кружкам чай и продолжила:

— Мы тут всякие индийские чаи не пьем, а что лес нам дает, с того чай и завариваем. Сегодня вот у нас чай из чаги — очень полезная вещь. Вот раньше его все пили и почти никогда не болели. А сейчас чай делают из химии, со всякими ароматизаторами, вот и душа начинает болеть после такого, а потом и тело. Душе-то всегда хочется натурального. Ну а ты, Лидочка, на сколько дней к нам? Или, может, прям до осени у нас задержишься?

— Пока не знаю, буду смотреть по обстоятельствам. Как

скучно у вас станет, так и поеду домой. У меня это вроде небольшого отпуска.

— Ну, у нас ты вряд ли соскучишься, знаешь, сколько у нас работы накопилось? И за несколько недель не управишься. Так что давай оставайся, мы тебе и здоровье поправим. Вот вижу, позвоночник у тебя болит, наверное, все от сидячей работы? А надо больше двигаться, все болячки и уйдут.

У Лиды действительно последние полгода болела шея. Сходить к врачу было лень, да и некогда, казалось, что вот еще немного — и она перестанет болеть. Но нет, время шло, а боль не отступала. При резком движении, наоборот, казалось, что она усиливается. Хотя в состоянии покоя шея особо и не беспокоила. В интернете было много про это написано, и как раз про то, что надо вести более активную жизнь, там тоже говорилось. Больше удивляло другое: как про это узнала баба Маша. Но вместо этого Лида ответила:

— Да, действительно побаливает у меня шея, да не знаю, как ее и вылечить.

— Не переживай, мы тебя подлечим, будешь как молоденькая бегать и скакать. Жалко, что вечером приехала, я бы тебя хоть сейчас огород перекапывать отправила. Но ничего, завтра в 6 утра у нас подъем, так что завтра успеем с тобой очень много дел поделать. Сегодня просто пораньше спать ляжем. Давайте я еще вам чая подолью, я вижу, он вам понравился. Вот Сергей у меня и так уже всю чагу позабирал, у меня ее раньше целый мешок на чердаке был. А сейчас по-

чти закончилась, надо будет тебя тоже за ней отправить, я тебе расскажу, как ее лучше искать и добывать, а то мы-то уже женщины пожилые, нам трудно по деревьям лазить.

— Ладно, баб Маша, — начал Сергей, — не весь я чай у вас попил, а только половинку. Я как-то обещал вам самим помочь с заготовкой чаги, да все не успеваю. Времени не остается постоянно. То туда, то сюда, так весь день и проходит. Вот и сейчас мне пора уже идти, а то сейчас уже стемнеет, не выеду по вашей дороге потом.

Сергей встал из-за стола, попрощался со всеми и отправился к двери. В это время в комнате повисла тишина, все молчали и вглядывались друг в друга. Первой нарушила тишину Никифоровна:

— А ты что, и вправду собралась на «Шоу экстрасенсов»?

— Да, хочу попробовать там свои силы. Больше, наверное, чтобы сменить обстановку. Но там и приз за первое место 10 миллионов, так что, если выиграю, тоже будет очень приятно.

— Во какие деньжищи, а с нами поделишься, если выиграешь? У нас тогда и мотивация будет тебя лучше учить. Нам много и не надо. Тысяч 500 хватит, а там все равно помирать скоро уже.

— Ок, если выиграю, то обязательно поделюсь. А вы как сами пришли в магию?

— Ох, это уже давно было, — начала рассказывать Никифоровна. — У меня все в роду занимались магией, кто-

то травником был, кто-то лечил руками и заговорами, а кто-то и черной магией занимался. У меня было у кого учиться. Это сейчас мало кто этим занимается, а раньше врачей не сильно много было, приходилось лечиться самим. Поэтому и обращались к нам чаще. А сейчас вообще по интернету лечатся: прочитали симптомы, сверили со своими, поставили диагноз, пошли в аптеку, купили себе лекарства нужные. Так все и живут, в поликлинику-то к врачу не записаться, надо очереди ждать, а в платные клиники ходить — никаких денег не хватит.

— А я у соседки нашей училась, — стала рассказывать про себя баба Маша. — Она сама занималась этим, была старенькая, а передать свои умения некому было. Никого у нее в роду уже не оставалось, многие на войне погибли. А про меня она сказала, что у меня способности есть и мне надо учиться этому. Я тогда молодая была, мне это было интересно. Если бы сейчас мне сказали: давай учиться, — я бы не пошла. Не приносит это никакого счастья. Вот и живем мы теперь вдвоем, никому не нужные и забытые всеми.

— Но говорят, вы сами сюда переехали, а раньше к вам чуть ли не очереди людей собирались.

— Это было давно, в последнее время мало народу уже было. Многие давно уже перебрались в город и стали забывать про деревенскую магию, про свои корни, свою историю. В городе время летит быстрее. Все куда-то бегут, несутся, спешат. А хоронить-то потом все равно сюда привозят, тут

своя земля, она и мягче, и теплее. Потом лежат люди, смотрят в небо и думают: а почему я отсюда уехал, ведь тут такая красота, и воздух чистый, и птички поют, нет лишнего шума, тихо и спокойно. Потом их закапывают, и они уже ничего не видят. Скоро и меня, наверное, так закопают. А я, наоборот, буду лежать и думать: и чего я никуда не ездила, просидела всю жизнь в одном районе и света белого не увидела. Это жизнь, в самом конце всегда будешь переживать о том, что сделал, или о том, что не сделал. Тут никак не угадаешь, как жизнь прожить надо. Сначала мы не слушаем советов старших, потом наших советов никто не слушается, а мы только удивляемся: а почему это молодежь такая бестолковая пошла? Ну ничего, мы тебя научим, еще лучше нас будешь всякие магические штуки знать. А сейчас чем займемся? Хотите, в камень, ножницы, бумагу сыграем, кому посуду мыть сегодня?

— Давайте, — ответила Лида и подвинулась к старушкам поближе.

— Камень, ножницы, бумага. Раз, два, три, — сказала баба Маша и показала вместе с Никифоровной ножницы, в то время как Лида показала бумагу.

— Во, дурная, не смогла старушек обыграть. Теперь, значит, вся посуда твоя, мы ее с утра не мыли, ждали твоего приезда. Пошли покажу, где мы посуду моем.

Выйдя в коридор, баб Маша подошла к раковине, которая доверху была наполнена посудой. Тут были и тарелки, и ско-

вородки, и какие-то котелки.

— Мы тут много посуды собрали. Надо будет всю помыть и почистить. А то мы слеповатые, плохо иногда посуду моем, потому и накидали всю посуду нашу практически сюда, чтобы ты ее хорошенько почистила. Так что ты уж постарайся, а я тебе вечером один секретик расскажу, который очень поможет тебе в дальнейшем. Ты мой, а я пойду полежу немного. Потом приходи к нам. Придумаем, чем еще заняться вечером. У нас тут развлечений не сильно много. Так что стараемся занять себя чем только можно. Воду только не сильно расходуй, тут у нас с этим тоже проблема. Потом ведрами будешь носить в дом.

Когда баб Маша ушла и закрыла за собой дверь, Лида осталась одна, наедине со своими мыслями и переживаниями. Как-то по-другому она представляла себе эту поездку, казалось, что тут будет больше удобств и ей не придется перемывать гору посуды под холодной водой. Над раковиной висел самодельный рукомойник с краником, куда наливалась вода, а потом можно было открыть краник и помыть что нужно. Струйка воды была небольшая, поэтому само мытье посуды продвигалось не очень быстро. Хорошо, что еще сама вода в рукомойнике успела согреться за день и была не такая холодная, а комнатной температуры. Когда Лида закончила с мытьем посуды, она решила долить в рукомойник воды. Рядом стояло ведро с водой, которое она и взяла, чтобы долить резервуар с водой до самого верха.

Несмотря на то, что в детстве Лида провела достаточно много времени в деревне, весь этот деревенский быт показался ей пережитком прошлого, от которого она уже успела отвыкнуть. Аккуратно расставив вымытую посуду, Лида вернулась к старушкам, которые сидели на небольшом диванчике и о чем-то негромко общались.

— О, Лидочка вернулась, иди садись к нам, — сказала бабка Маша и указала на кресло напротив дивана. — Ну как, справилась со всеми делами? Давай рассказывай, о чем ты хочешь узнать получше. Я сама смотрю это «Шоу экстрасенсов», но на самом деле оно у меня не очень вызывает доверия. Там все такие гламурные, красивые, молодые. Нет представителей нашего поколения. Вот бы кто там уровень показал.

— Ну, там задания все довольно похожие. Мне кажется, самое сложное для меня будет — это рассказать о человеке по фотографии или стоя возле него. Когда смотрю это шоу, они рассказывают такие подробности, о которых я бы никогда не догадалась.

— Ну, тут вообще ничего сложного нет. Тут главное — интуиция и тренировки, — ответила Никифоровна. — По фотографии, по тому, как человек выглядит, можно очень многое рассказать. Вот увидела человека в толпе — постарайся о нем что-то рассказать, чем он занимается, чем увлекается. Вот, например, идет человек по улице пьяный, и по нему как-то сразу видно, часто он пьет или редко. То же

самое: если у вас во дворе человек подметает, то можно сказать, что он работает дворником. Это простые вещи, но их надо сразу подмечать и проговаривать. Если у человека кольцо, то, скорее всего, он женат, и так далее. Вот почему некоторые цыганки карты раскладывают? Чтобы у них было больше времени посмотреть на человека и сказать, что он из себя представляет. Так и в шоу этом: кто-то раскладывает карты, кто-то проводит ритуалы, а в голове в это время проносятся тысячи похожих образов и лиц. Все люди немножко похожи между собой. А сейчас, когда все в социальных сетях есть, то и вовсе можно ускорить этот процесс. Вот поедешь ты на задание, а там какая-то небольшая деревня или село, зашла в интернет, прочитала, что тут происходило, какие новости, потом быстренько пробежалась по социальным сетям местных жителей и их постам, получила изначальную информацию, потом, как до самого задания дойдет, ты увидишь этих местных жителей и сразу в памяти должна вспомнить, кто где и что они рассказывали на этих страницах. Память и внимание — это то, что ты должна тренировать постоянно, чтобы показать лучший результат.

— А если в Москве будет задание? Или в каком-то другом крупном городе? Я же не смогу запомнить миллион профилей и что они там размещали в своих социальных сетях.

— Да, тут посложнее, конечно, будет. Но посмотри, в таких крупных городах задания очень редко происходят. Понимаешь, не та атмосфера. Все и так устали от этих горо-

дов и их пыльного воздуха, всем хочется окунуться обратно в детство, вспомнить свой небольшой провинциальный городок или деревеньку. Тут уже психология включается. Никому не интересно, что в городах случается. Там люди могут по соседству прожить 20 лет и даже не знать, как друг друга зовут. А в деревнях, наоборот, все друг друга знают и всегда помогают. Вот ты когда Маше позвонила, она же тебя сразу узнала и согласилась тебе помочь. А если бы в городе какой-то бабке позвонила, то она подумала бы, что это мошенница какая-то ей названивает, и даже не стала бы с тобой разговаривать. А разговаривать надо чаще и со всеми. Тогда ты научишься лучше понимать людей и видеть, на кого они похожи: если у человека татуировка ВДВ, то, скорее всего, он в десантных войсках служил, а не связистом. У каждого человека есть тысячи мелочей, которые могут о нем все подробно рассказать. Вот ты, когда сидела, потерла шею, а Маша сразу сказала, что у тебя позвоночник больной, а ты, наверное, потом гадала, как она это все узнала. Так что тебе сегодня будет домашнее задание на ночь. Все равно вы, городские, позже засыпаете, чем мы. Вспомнить несколько своих знакомых, которые были похожи друг на друга, и выявить, что у них общего было. Только всю ночь не просиди, а то завтра рано вставать. Будем тебя знакомить с нашим хозяйством и деревней, а точнее с тем, что от нее осталось. Раньше тут было намного лучше, тут даже прудик у нас небольшой есть, только туда практически никто не ходит, и он зарос уже

травой. Раньше с соседних деревень сюда часто ездили на велосипедах, а как узнали, что тут ведьмы поселились, так вообще перестали сюда ездить, побаиваются.

— А давайте в карты поиграем, — предложила баб Маша. — А Лидочка нам расскажет, чем современная молодежь занимается. О чем думает? Какие там новые гаджеты появились? Раньше у нас тут интернет лучше ловил, я часто в интернете сама читала новости, следила за звездами, новыми хитами, книгами. А сейчас уже интернет так не ловит, вот даже телевизор не всегда хочет показывать. В общем, никому наша деревня не нужна, наверное, так и ждут, пока эти две бабки старые помрут, чтобы не писали свои жалобы в администрацию. Я раньше часто жаловалась, а там отписки одни и те же: неперспективно ремонтировать вышку, если в округе почти никто не проживает, — предлагали в дом престарелых переехать. Да нам только туда не хочется, пока ноги еще ходят, лучше на свободе поживу. А там как в тюрьме, никакой свободы. Начнут только болячки искать да таблетками пичкать, чтобы побыстрей на тот свет отправились. А тут свежий воздух, природа, на всем натуральном сидим и чувствуем себя бодрыми женщинами. Если бы дедушки поблизости жили, мы бы обязательно к ним ходили бы знакомиться еще. А так не хотят мужики у нас долго жить. Вредные привычки, вредные жены, вредные начальники кругом — вот и сводят мужиков в могилу, а им бы еще жить и жить. Не берегут себя нынче мужики — думают, что силы у них и

здоровье беспредельные. Так и прожигают себе всю жизнь.

Тем временем Никифоровна уже достала карты и начала раздавать в дурака. Под колодой карт показалась пиковая дама. Баб Маша сразу оживилась:

— Сегодня игра будет интересной, раз сразу с пиковой дамы начали. Сейчас расскажу историю из нашего детства. Мы тоже в те времена вызывали пиковую даму и действительно верили, что она приходит. Потому что всегда находился кто-то, кто мог ущипнуть исподтишка, стукнуть или еще что-то сделать, пока мы вызывали пиковую даму. Вся прелесть магии в том, что люди сами хотят в это верить. Вера в чудо никуда не уходит. Почему к магии обычно обращаются, когда уже ничего не помогает? Потому что все хотят верить в чудо и приходят к бабкам, когда уже ничего другого не помогает. Была у меня одна знакомая старушка, которой нагадали, что она умрет в 84 года. И вот она часто рассказывала эту историю, и действительно, пока ей было до 80, она была довольно бойкой и никогда не болела, а чем ближе приближалось к 84, тем она становилась беспокойней, все чаще вспоминала она ту гадалку, у нее начало все болеть, а потом и вовсе на 84-м году жизни у нее нашли рак, так она и скончалась в страшных муках. Да, многие скажут, что она себя сама так настроила, а организм лишь прислушивался к ее переживаниям. Но если посмотреть с другой стороны, дожила бы она до такого возраста, если бы сама не верила в силу этого предсказания? Скорее всего, нет. Так что вера в магию и позволяет ей рас-

крыться полностью, а от нас остается только навеять немного мистики и слушать клиента. Да это в любой сфере деятельности так. Хочешь получить расположение клиента — просто выслушай клиента, он сам все расскажет, а ты только добавляй что-нибудь от себя и кивай. Вот и весь секрет большинства этих самых экстрасенсов. А что это ты, Лида, все карты себе забираешь да не отбиваешься? Совсем козырей нет или ты только нам подыгрываешь, хочешь старушек порадовать победами?

— Да совсем карта плохая идет, одна мелочь, вот и проигрываю, походу, в этой партии. Уже вон почти полколоды собрала. Да и вы вдвоем явно против меня играете сегодня.

— Ну ладно, молодая, не выдумывай, — вмешалась в разговор Никифоровна. — Мы бабки хорошие, молодежь не будем обижать. Может, даже погоны тебе повесим, чтобы значимость нашего гостя поднять.

Все посмеялись, в этот раз до погон не дошло, но Лида все-таки осталась в дураках и принялась раздавать карты. А в это время баба Маша достала из-под кровати бутылку с домашним вином и предложила скрасить этот вечер дегустацией ее напитка. Все выпили по небольшой рюмке вина и продолжили игру в карты. В этот вечер у Лидии ничего не получалось, раз за разом она проигрывала в карты. Баб Маша над ней стала даже подшучивать:

— Во, не зря тебя дурной сегодня назвала, сколько играем, а все в дураках остаешься, совсем тебе не везет в картах.

Ну ладно, может, повезет в любви. Нам-то, старым, уже дедов не найти, а у тебя вся жизнь впереди. Давайте еще раз сыграем, допьем наше вино, а потом будем спать укладываться. А потом еще тебе одно упражнение покажу — очень от болей в спине помогает. Я человек старый, в этом точно разбираюсь, можно сказать, на своем опыте.

Когда закончили играть, баба Маша стала активно показывать какие-то упражнения для спины, больше похожие на укрепляющую гимнастику. При этом сама старушка делала эти упражнения довольно активно. И казалось, никакой магии в этих упражнениях вовсе нет, но в конце бабуля достала из-под своего матраса какой-то оберег и сказала:

— Вот засунем тебе под твою кровать, и наутро будешь здоровая как конь, будешь нам огород завтра перекапывать.

Сам оберег был похож на какую-то самодельную куклу, сделанную из тряпок. Лиде даже показалось это забавным. Но показывать свои эмоции она не стала, чтобы не расстраивать баб Машу.

Пришло время ложиться спать. Все улеглись на своих кроватях, и уже через некоторое время стал раздаваться храп одной из старушек, он сначала был тихим, потом стал нарастать, а потом так же резко оборвался, а через некоторое время и сама Лида начала засыпать. Но тут она услышала из коридора женский голос:

— Лида…

Она подхватилась и начала всматриваться в пустоту, но

там точно никого не было. А в комнате стояла абсолютная тишина. Она даже захотела встать посмотреть, лежат ли старушки на месте и живы ли они там. Долгое время ничего не происходило. Это было похоже на ее ночные кошмары, которые преследовали ее раньше и с которыми баба Маша помогла ей справиться. Тогда тоже к ней по ночам приходили всякие образы, слышались голоса. Но тогда это внушало страх, а сейчас Лида практически ничего не почувствовала, а уже через 10 минут так же тихо стала посапывать и провалилась в глубокий сон.

Лида проснулась оттого, что почувствовала какое-то шевеление под кроватью. Еще находясь в полудреме, она попыталась повернуться с живота на спину, но было такое ощущение, что силы покинули ее. Вдруг кто-то пробежался по ее ноге, потом по спине и замер возле шеи. Она почувствовала, что маленькие ручки схватили ее и начали душить, от этого, казалось, волосы на голове встали дыбом, но мгновение спустя она поняла, что это существо давит на ту точку, где у нее постоянно болела шея. Через несколько секунд она услышала какой-то щелчок и почувствовала облегчение, а еще через несколько секунд снова провалилась в глубокий сон.

Несмотря на довольно беспокойную ночь, Лиде удалось выспаться, и она быстро встала, когда старушки стали ее будить. Она даже не сразу вспомнила про свои кошмары, а в теле было полно легкости. Боль в шее отступила. Лида впервые за долгие годы почувствовала себя выспавшейся и от-

дохнувшей.

Попив с утра молока со вчерашним пирогом, старушки позвали ее на улицу познакомить со своим хозяйством и планом работ на сегодня.

— Так, Лидочка, сейчас посмотришь, как мы кормим свою козу и курей, а в обед попробуешь сама их покормить. Потом возьмем лопаты и будем перекапывать огород под посадку. Одну мы тебя не бросим, будем тоже помогать, но силы у нас уже не те. Так что давай, пока можешь, осмотрись, сделай зарядку — и за работу.

Закончив кормить животных, женщины взялись за лопаты и принялись перекапывать огород. Сначала он показался Лиде очень большим, и она думала, что у них уйдет целая неделя, чтобы его перекопать, но дела продвигались очень быстро. Хотя после сидячей работы Лиде было немного сложно, она то и дело делала остановки, чтобы перевести дыхание. По утрам было еще достаточно прохладно, но при такой активной работе это было даже хорошо. На жаре бы она сдалась еще быстрей.

Каждый час они делали перерыв, пили фруктовый чай с листьями смородины, сушеными ягодами и еще какой-то травой, которую Лида так и не смогла распознать на вкус. Горячий чай хорошо бодрил и придавал сил. Когда Лида копала, старушки то и дело бегали туда-сюда, что-то сеяли, где-то прикапывали грядки, собирали ветки с винограда и яблонь, которых на участке было несколько штук.

— Что бы мы без тебя делали, — начала свой разговор Никифоровна. — Крепкая ты девка, бросай свой город да переезжай к нам навсегда жить. Распашем тут все огороды заброшенные, станешь фермером, будешь скотинку разводить, картошку выращивать, на рынке продавать. Будешь настоящей бизнес-вумен. А мы тебя заговорам научим всяким на хороший урожай да мужика тебе рукастого найдем, чтоб тоже пахал как конь. А то только женским коллективом сельское хозяйство не поднимешь.

— Да, хорошо у вас тут, — согласилась Лида и продолжила: — Я маленькая тоже любила в огороде поковыряться. На картошку к бабушке постоянно ездила, потом эту картошку в костре запекали. Было очень вкусно. Но нет, всю жизнь прожить в деревне я не смогу, все-таки скучно у вас тут, да и в карты меня постоянно дурите, работать заставляете.

— Ну, работать и двигаться всегда надо, — ответила Никифоровна. — Вот поработала на свежем воздухе, смотри, какие щечки розовые стали, прям помолодела даже. А то приехала к нам бледная, уставшая, как будто из рабства сбежала. Земля — она лечит, если по ней ходить, а в городе вы по асфальту ходите, теряете связь с землей, от этого все хвори. Ты бы куда записывала наши изречения или просто запоминала, потом по телевизору бы нас цитировала, а все б тобой восхищались. А то там дурных много показывают: у одного тибетская магия, у другого африканская, у третьего шаманизм. А наша деревенская магия — она же самая

сильная, она от корней наших идет. Помогает нам во всех делах, а про нее там совсем мало говорят. А тут же магия в каждой травинке, в каждой букашке. Вот как этот жучок зиму пережил, если мороз был минус 25, а он вон вылез, живздоров и летает по огороду, как будто и не было зимы? Вот в этом же тоже есть магия. В преодолении всех трудностей. Если бы люди тоже так могли все трудности преодолевать, то и висельников было б меньше, и спивалось бы меньше народу. Все эти последствия от душевной слабости, от неумения преодолевать не только трудности, но и самого себя. Вот ты же не убежала сегодня, а помогаешь нам, хотя, вижу, трудно тебе. Значит, сила в тебе есть, значит, у тебя все обязательно получится. Хорошая ты девушка, как бы сказал мой внук, конкретная.

— А у вас и внуки есть? — спросила Лида.

— А как же, три штуки есть, два мальчика и одна девочка. Правда, навещают свою бабку совсем редко. Все в работе да в семьях своих. А как отпуск, так все на море или за границу бегут. А приехали бы сюда в деревню — вот же тут самый настоящий отдых. Сейчас наработаемся, потом баньку истопим. Красота же.

Так и проработали они до обеда. Потом посидели, перекусили, немного подремали. Когда Лиду стали будить, ей показалось, что у нее просто не осталось сил. Хотелось просто лежать на кровати и спать. Но старушки были в этот раз настойчивые, и ей пришлось набраться сил и пойти опять на

огород. В этот раз она копала его уже без такого энтузиазма, как с утра. Хотя очень хотелось побыстрей со всем этим справиться и отдохнуть, но, похоже, эти ведьмы решили использовать ее на всю катушку, до последних сил.

Видя, что силы у Лиды уже заканчиваются, баб Маша решила ее немного пожалеть и сказала:

— Ну все, сейчас немного докопаешь, и хватит на сегодня, остальное все равно будем позже сажать. Ты сегодня молодец, вон сколько перекопала, больше нас с Никифоровной. Ну ничего, мы тебе физическую форму быстро восстановим, дел у нас еще тут много. Вот как дрова начнем заготавливать на зиму, вот где тоже физическая форма понадобится. Так что не унывай, у нас еще много дел впереди.

Скорое окончание работы прибавило Лиде сил, и она стала сильней работать лопатой. Поэтому очень скоро она справилась с поставленной задачей и отправилась в дом на заслуженный отдых. Но не успела она полежать и полчаса, как в дом забежала Никифоровна и попросила натаскать воды из колодца в баню и пару ведер в дом.

«Это, наверное, никогда не кончится», — подумала про себя Лида, но ответила только:

— Хорошо, уже иду.

Когда Лида вышла во двор, то оказалось, что никакого колодца там нет, а за водой надо идти через два дома на заброшенный участок, где оставался еще рабочий колодец.

Когда Лида принесла два ведра в первый раз, то с радо-

стью заметила, что бак с горячей водой практически полон, а надо было принести еще бидон холодной воды. Примерно за полчаса Лида справилась и вышла прогуляться по деревне, посмотреть на заброшенные дома, пройтись до местного пруда. Проходя мимо заброшенных домов, Лида пыталась угадать, почему хозяева бросили тот или иной дом и почему никто сюда не возвращается. Ведь в целом это была действительно уютная деревня с еще крепкими домами. На некоторых домах ставни были закрыты, некоторые так и остались стоять с открытыми ставнями, и можно было заглянуть в какое-нибудь окно и посмотреть, что там находится. Не боясь, что кто-то заметит ее за этим занятием, она подошла к одному из домов и попыталась заглянуть в окно. Ей удалось заметить, что там была довольно простая обстановка. Диван, кровать, стулья, стол. При этом казалось, что ничего отсюда даже не забирали. Как будто хозяева просто вышли на пять минут. Это разительно отличалось от заброшенных домов в ее деревне, где заброшенные дома буквально разбирались по кирпичикам.

Вдруг ее отвлек какой-то шум возле забора, показалось, что там кто-то притаился. Сначала Лида немного испугалась, но решила все-таки посмотреть, кто там. Заглянув за небольшой заборчик, она увидела здоровенного кота, который расхаживал во дворе заброшенного дома.

— Как же ты тут один живешь? Да еще такой упитанный. Тебя, наверное, твои соседки подкармливают?

Она хотела позвать котика к себе, но он завернул за дом и скрылся там. А Лида продолжила свой путь к пруду. Ей нравилась природа, которая тут была. Чистый воздух был намного приятней, чем в городе. А начинающие повсюду цвести деревья и кустарники только придавали дополнительную свежесть и аромат. Дойдя до конца улицы, она повернула на едва заметную тропинку и вскоре вышла к небольшому пруду. С одной стороны был небольшой песчаный пляж, а вокруг стояла полная тишина. Лида подошла к пруду и потрогала воду — еще холодная — и, быстро вынув руки, вытерла их о свои джинсы. Рядом с прудом вновь начинался лес, местами были поваленные деревья, кучи веток.

«Вот сюда буду приходить за дровами, если старушки меня за ними пошлют», — произнесла про себя Лида. У воды было небольшое бревно, и она села на него. В это время она достала телефон и проверила связь, черточки на ее телефоне показали, что связь тут ловит хорошо. Намного лучше, чем у старушек в доме, где связь то и дело пропадала.

Сначала она позвонила своей маме, рассказала о своих приключениях. Потом позвонила дочке, узнала, как у нее дела, но та опять куда-то спешила, и долгого разговора не получилось. Они договорились, что созвонятся еще завтра. Потом вспомнила, что так же не любила раньше разговаривать с матерью, хотя они и так были всегда практически вместе. А тут уже почти год, как она редко видится со своей дочкой. «Хоть бы не забеременела, как я в свои молодые годы. Пусть

отучится, потом можно и замуж, и детей. А пока рано, пусть даст маме хоть немного отдохнуть и перевести дух».

Лида не жалела, что приехала сюда. Тут было действительно интересно, как-то душевно и атмосферно, как сейчас говорит молодежь. Если сюда привезти ноутбук, то, наверное, и работать можно было бы здесь. А что, переехали бы с матерью и жили, купили бы за бесценок один из заброшенных домов и начали бы новую жизнь. Все равно скоро ей на пенсию, зарплата в школе все равно у них низкая. Главное, чтобы интернет был стабильным и позволял бы ей работать и вести своих клиентов. Или, может быть, не в этой деревне, а где-то поближе к городу. Просто сейчас ей совсем не хотелось возвращаться в город. Посидев еще немного, Лида стала собираться назад в дом. За день она очень сильно устала. Там, в городе, такой объем физической активности она, наверное, и за месяц не сделала бы. А тут за один день так много всего.

Когда она начала подходить к дому, то увидела машину Сергея, который отъезжал. «Вроде только вчера был, — подумала Лида. — А старушки сказали, что он только раз в две недели им привозит продукты». Когда она зашла в дом, то увидела, что старушки играют с каким-то мальчиком лет семи. Только он не особо-то реагировал на их слова, казалось, он занят чем-то своим и его совершенно не интересует, что происходит вокруг.

— А вот и тетя Лида вернулась, — сказала баба Маша.

— Посидишь с Мишкой, пока мы с Никифоровной баньку подготовим. Это Сергея сын, он его оставляет иногда у нас, когда делами бывает занят. Ему нельзя без присмотра оставаться, он немного с особенностями. Врачи говорят, у него аутизм. Но он мальчик хороший, только своеобразный.

Оставив мальчика наедине с Лидой, бабушки вышли за дверь. Сама Лида попыталась наладить с мальчиком контакт, но у нее это не очень получалось. Казалось, Миша ее совершенно не замечает. Он ходил из угла в угол, крутил колесики на своей машинке и что-то невнятное бормотал. И вот когда Лида уже, казалось, отчаялась добиться от него какого-то ответа, он посмотрел ей на секунду в глаза и сказал:

— Беги отсюда.

А потом продолжил вновь ходить по комнате из угла в угол.

Эти слова повергли Лиду в ужас, она сразу вспомнила, и как голос ее позвал ночью, и как ее как будто кто-то душил. Потом пронеслись у нее перед глазами все ее детские кошмары и вспомнился ритуал с баб Машей в детстве, когда в конце она убила маленькую лягушку. Почему-то со временем про такие подробности с лягушкой она забыла и вспомнила только сейчас. Лида обняла мальчика и переспросила:

— Что ты сказал? Беги отсюда?

— Беги отсюда, — повторил за ней Миша и захихикал, а потом опять повторил: — Беги отсюда.

Лида выпустила Мишу из своих рук, и он вновь стал хо-

дить по комнате туда и обратно. Она была растеряна и не знала, что делать. Ей на мгновение показалось, что все происходящее с ней сейчас нереально. Что это она переутомилась и просто крепко спит и не может проснуться.

Тем временем Миша залез на диван и стал более активно крутить колесики своей машинки, а когда они крутились, он смотрел на них и даже немного дергался от счастья. Лида никогда до этого так тесно не общалась с аутистами и не знала даже, как с ним себя вести. С Алисой было как-то попроще: она всегда шла на контакт, втягивала ее в игру, давала играть в свои игрушки. Просила фломастеры, карандаши, поесть, попить. Так как игрушек у старушек в доме не было, то Лида пошла на кухню и вернулась с куском пирога, которым она поделилась с Мишей. Он взял его и принялся кусать и есть, но все так же не отрывался от своей машинки.

В душе Лиде уже хотелось, чтобы старушки побыстрей вернулись. Но они пришли только минут через 20. Тем временем за окном уже темнело. И вот наконец-то возле дверей послышался шум, и, перебивая друг друга, в комнату ввалились хозяйки дома.

— Ну что, как вы тут, уже подружились? Ну все, мы баню уже подготовили. Можешь идти, сейчас полотенце я тебе выдам. А Мишка у нас останется сегодня на ночь, так что тебе придется на кровати немного потесниться. Обычно он на ней спит, а завтра уже Сергей заберет его. Он там сегодня с женой на подработку на склад пошел, в ночную смену. Так

что Миша сегодня с нами будет. Я предлагала ему, пусть на целые сутки оставляют его, лучше выспятся сами с утра. А Сергей ответил, что завтра и решит. Мы сами любим с мальчиком посидеть, он обычно скрашивает наши серые будни.

Тем временем Лида уже собралась и отправилась в баню. Баня находилась совсем близко от дома. Несмотря на то что старушки жили одни, сама баня была еще достаточно крепкой, а доски на полу и стенах, видно, были заменены совсем недавно.

Зайдя в предбанник, Лида разделась и, сложив аккуратно свои вещи, отправилась на полати. Но через пару минут уже слезла, чтобы поддать побольше пару. На полу для аромата были раскиданы какие-то травы, а в тазике замачивался аккуратный небольшой дубовый веник. Баня ей понравилась, можно было посидеть в ней и побыть наедине со своими мыслями. Тем временем на Лиде стали уже выступать капли пота, которые стекали по ее нежной и немного смуглой коже. Для своих лет у Лиды была еще хорошая фигура, без признаков лишнего жира. Хотя из физической активности у нее были только периодические зарядки и пешие прогулки, которые помогали ей отдохнуть после напряженного рабочего дня.

Немного посидев, Лида подлила еще полковшика на камни и уже легла на полати, так как становилось очень жарко. Хорошо пропотев и почувствовав, как вместе с потом уходит усталость, Лида присела, взяла веник и стала себя нежно

постукивать по спине, бокам, ногам, иногда просто гоняла веником горячий воздух и периодически поддавала пару. В детстве она любила ходить в баню, для нее это был маленький аквапарк с паром, водой и компотом, который варила ее бабушка и всегда давала ей с собой в баню. Как только она об этом подумала, так в предбаннике послышались шаги и голос баб Маши:

— Вот, Лидочка, я тебе сока березового принесла, вдруг пить захочется. А ты парься там, не отвлекайся, мойся сколько надо. Мы с Никифоровной все равно уже подолгу не сидим в бане, как раньше, здоровье уже не то.

Потом все стихло, баба Маша ушла, а Лида продолжила париться, разогревая уставшие за день мышцы. Когда надоело париться, Лида вышла в предбанник, попила березового сока, посидела и немного остыла. Потом вновь вернулась в баню и стала мыться. Закончив мыться, Лида оделась и вышла во двор, весенняя прохлада тут окутала ее со всех сторон. Вдруг на огороде она увидела в кустах козу, та пристально смотрела на нее и качала своими рогами. Лида захотела подойти поближе, но та вдруг вскочила на задние ноги и побежала на двух ногах, совсем как человек. Лида испугалась и бросилась со всех сил в дом.

— Что с тобой, как будто черта увидела? — спросила Никифоровна. — Ты чего такая напуганная?

— Там действительно чертовщина какая-то. Я думала, коза из сарая убежала, а потом она как кинется на двух ногах

убегать… — Лида прошла в комнату и уселась в кресло. — Это ужас какой-то у вас тут творится.

— Ты чего, козы испугалась? Она у нас действительно бойкая, из сарая убегает. Она, наверное, сама тебя испугалась, вот и побежала. Пойдем с нами, отведем ее в сарай, а то так и будешь ее бояться, а она тебя.

Лида сначала не хотела идти, но старушки ее уговорили. Вооружившись фонариком, они быстро нашли козу, которая в этот раз притаилась совсем в другом углу огорода и не спеша пожевывала ветки кустарника.

— Ну вот видишь, никакой черт тут не бегает. Козы — они дурные животные, их оставь без внимания, они и весь огород за день поедят вместе с забором.

После того как козу завели в сарай, все вернулись домой. На этот раз им навстречу выбежал Мишка, который все так же крутил колесики своей машинки.

— Лида, уложишь хлопчика спать? Мы его уже покормили. А мы пока сходим в баню, тоже помоемся и скоро вернемся.

Когда старушки ушли, Лида посмотрела на мальчика и обратилась к нему:

— Давай ложиться спать.

Миша сразу стал раздеваться, потом лег на кровать у самой стеночки. Лида надела свою пижаму и легла рядом. Заметив, что Миша не засыпает, а смотрит на нее, она решила рассказать ему сказку. Сначала рассказала «Колобка», по-

том про репку, затем про заюшкину избушку. Потом спела несколько детских песен, но некоторые так и не допела до конца, потому что уже успела позабыть текст. А через некоторое время она заметила, что мальчик мирно спит. Вот и сегодня ее обучение так толком и не началось. Иногда ей казалось, что сейчас она делает какие-то глупости, которые на самом деле никому и не нужны. Прожив полжизни в интернете, она иногда теряла ощущение реальности. А иногда ей снились такие сны, что она потом просыпалась и долго вспоминала — а это ей точно приснилось или это было на самом деле, просто со временем она об этом забыла?

Ее размышления прервали старушки, которые, стараясь не шуметь, проникли в дом и, не включая света, пробрались к своим кроватям.

— Что, вы там уже уснули? — спросила баба Маша. — Вот ты молодец, а мы обычно долго его укладываем. Ничего не помогает.

— Да, он как-то быстро уснул. А я еще хотела спросить, а можно будет заказать и мне кое-что необходимое у Сергея, когда он будет вам привозить продукты в следующий раз?

— А что тебе надо? Конечно, можно. Ты сразу скажи, я ему передам.

— Да у меня скоро эти дни будут, а я прокладок с собой не взяла. Пусть мне купит, а ему тогда скажу какие.

— Так ты Сереге скажи, чтобы он тебя от месячных избавил. Есть один действенный способ, сразу на 9 месяцев о

них забудешь, — пошутила Никифоровна и захихикала.

— А ты, старая, тоже ложись спать, а то и тебя придется убаюкивать, — прошипела на нее баба Маша, а потом все стихли и начали укладываться спать.

Лида сама очень скоро уснула. Эта ночь прошла на удивление спокойно. Ее не мучили кошмары, не мешал Мишка, который то и дело переворачивался с боку на бок. Не мешали и старушки, которые храпели по очереди, а иногда исполняли свое сопение дуэтом. Сегодня ей снилось море, волны казались такими большими и все норовили ее куда-то унести, поэтому Лида шла вдоль берега и близко не подходила к воде. Потом шторм стих, вода стала такая прозрачная, а песок почти белоснежным. Ей показалось, что раньше она уже была здесь, но все никак не могла вспомнить, когда именно и с кем она приехала на море и где остановилась. Она начала задавать себе вопрос за вопросом, а потом проснулась и поняла, что уже утро и скоро ее разбудят.

«Надо было ничего не придумывать и лучше съездить на море, ведь лето уже совсем близко», — подумалось ей, и тут же она уснула снова. Но спала она недолго, так как баба Маша ее разбудила и попросила принести еще воды.

Тут Лида вспомнила про вчерашнего кота, который убежал от нее:

— Там в одном из домов кот бегал, такой упитанный, вы его, наверное, подкармливаете? — обратилась она к бабе Маше.

— Нет, никого мы не подкармливаем, да и не видела я никаких котов в округе, давно бы уже от голода умер в нашей деревне. Только если мышей хорошо ловит, то мог бы тут прожить, конечно.

Лиде это показалось странным, но она не стала задавать еще вопросы, а взяла ведра и отправилась к колодцу. Когда она подошла к колодцу, то увидела возле него небольшое зеркальце. Это очень ее удивило, так как она уже несколько раз сюда ходила и ничего подобного не видела. Она его подняла и начала рассматривать, потом поправила свою прическу и тут неожиданно в отражении увидела маленькую девочку, но, когда обернулась, никого за спиной не было. Лида тут же бросила зеркальце и убежала к старушкам в дом.

— Что опять стряслось? — удивилась баба Маша, когда увидела опять напуганную Лиду в своем доме.

— Там я девочку увидела в отражении в зеркале, но ее на самом деле нет, — произнесла, немного заикаясь, Лида.

— Конечно, ее там нет. Зато есть твое богатое воображение, то черт тебе привиделся, то кот какой-то, то девочка. А это мы еще тебя не стали обучать магии. Вот тогда совсем от нас убежишь. Или ты уже собралась от нас сбежать, просто теперь это все придумываешь, чтобы найти повод уехать побыстрей? Но с огородом мы почти справились. Мы так сильно тебя уже напрягать не будем. Так что оставайся. Пошли, я с тобой схожу за водой, раз тебе одной страшно. Тут никто, кроме нас, не живет, и бояться тут абсолютно некого и

нечего.

Когда они вернулись к колодцу, то ведро по-прежнему стояло у колодца, а вот зеркальца нигде не было. Это еще больше испугало Лиду, но ничего она не стала говорить старушке, а просто набрала воды и молча отнесла ее в дом.

Она верила, что магия здесь есть. Но она не собиралась сдаваться, так как именно за этим сюда и приехала. Вся ее жизнь в этой деревне существенно отличалась от той жизни в городе, однообразной и монотонной. За несколько дней в деревне она испытала больше эмоций, чем за последние несколько лет.

В скором времени вместе с женой приехал Сергей и забрал ребенка. После чего старушки начали придумывать, чем еще занять Лиду на сегодняшний день. С огородом они остались справляться сами, а Лиде дали топор, небольшую пилу и тележку, чтобы она могла начать заготавливать дрова на зиму.

— Вот только не поранься и не заблудись. С дровами можешь не торопиться, но чем больше привезешь сегодня, тем будет лучше, — сказала Никифоровна, а потом достала пучок каких-то трав и начала их сжигать и приговаривать: — Это специально от клещей, они не будут тебя трогать. А то они проснулись уже и хотят кушать. Да и комары после этой травы будут тебя облетать стороной. Так что работай и ничего не бойся. Диких зверей у нас тут тоже нет, ну, я по крайней мере не встречала. Только если лиса какая может выбежать.

Ты ее только не гладь, а то укусит, может, какая бешеная, потом лечи тебя, и окончится весь твой отпуск в деревне. Они, когда бешеные, ничего не боятся, сами к людям выходят. Так что не подпускай их просто к себе, и все будет хорошо.

Запах горевшей травы показался на удивление приятным, хоть и дымило это все чуть ли не на половину их двора. Потом Никифоровна перекрестила ее и отправила в лес, указав Лиде, где стоит поискать больше веток. Сам лес находился совсем недалеко, но сначала Лида решила сэкономить свое время и насобирать веток на улице, их было не сильно много. Но примерно за полчаса она уже сумела собрать целую тележку и привезти ее в сарай, где у старушек хранились дрова. А уже за второй тележкой она отправилась в лес. Ей понравилась эта работа, так как можно было побыть наедине с собой и природой. В самом лесу было много бурелома, и ей даже показалось немного странным, что старушки не выгребли еще на дрова весь этот древесный мусор, который, как казалось, собирался тут целыми десятилетиями. Хотя, может, они просто ходили по дрова в другую часть леса или просто заказывали готовые. Вторая тележка была тоже вскоре готова и доставлена в сарай. И хотя казалось, что в тележку вмещается много дров, когда она начинала их выкладывать, то казалось, что в сарае они занимают очень мало места.

— А сколько надо дров навозить? — спросила Лида у баб Маши, которая копалась в огороде вместе с Никифоровной.

— А вози, пока не устанешь, все равно мало будет. Это

сейчас мы их почти не расходуем, а как зима начнется, они очень быстро расходуются. Как сарай полностью забьем дровами, так еще можно в чулан наш наносить дров, мы их там тоже всегда про запас держим, потому что, если непогода, чтобы не таскать их потом под дождем или в мороз. Но ты и силы береги, сегодня ведьмина ночь, еще в лес с тобой ночью пойдем костер жечь и тебя в ведьмы посвящать будем. Но мы после обеда еще подремлем, устроим тихий час, чтобы у костра потом не уснуть.

После слов старушки о том, что нужно навозить целый сарай дров, энтузиазм у Лиды немного поубавился, так как на данный момент в нем практически не оставалось дров и необходимый объем казался ей на тот момент чем-то нереальным.

После пятой ходки за дровами она начала уставать, и ей на мгновение показалось, что она заблудилась, так как не могла найти тропинку, по которой все время ездила со своей тележкой. Оставив ее на месте, она огляделась и стала прислушиваться, но вокруг стояла тишина, лишь иногда доносилось пение птиц. Она хотела сориентироваться по солнцу, но вдруг поняла, что не может найти его на небе. Высокие деревья закрывали обзор, а облака не давали понять, где именно спряталось солнце. Присев на поваленное дерево, она попыталась вспомнить, с какой стороны она пришла и были ли там какие-то запоминающиеся ориентиры. Она понимала, что если сейчас начнет метаться по лесу, то может и во-

все пойти не по тому маршруту и лишь углубиться в лес.

Вдруг за ее спиной послышались шаги. Опираясь на палочку, возле дерева стоял пожилой мужчина с длинной бородой.

— Ты чего тут расселась? — спросил он ее, поглаживая одной рукой свою бороду. — И кто ты такая? Никогда тебя здесь раньше не видел.

— Я Лида, приехала в деревню к баб Маше и Никифоровне погостить, да решила вот им с дровами помочь, но немного заплутала и теперь не знаю, в какой стороне деревня.

— Это ты, дочка, уже устала, вон же тропка даже к деревне есть. По ней раньше часто мальчуганы на озеро ходили. А теперь вот совсем почти заросла. Не любят местные этих старушек, побаиваются. Да и ты держи с ними ухо востро, чтоб не погубили они тебя. Я-то их хорошо знаю, особенно Никифоровну, вредная бабища.

— А вас как зовут? — спросила у него Лида.

— Дед Гриша меня зовут, старушки будут меня знать. Передавай им привет от меня. Я-то к ним уже давно не хожу, а они ко мне не торопятся приходить. Ну все, бывай, красивая, я пошел дальше по лесу прогуляюсь. Очень я люблю природу.

Пока Лида разворачивала тачку в нужном направлении, старик уже успел скрыться в лесу так же неожиданно, как и появился. А Лида успела вернуться как раз к обеду, за которым она передала привет от деда Гриши и спросила у стару-

шек, кто это такой.

— А, так это муж Никифоровны. Он часто там по лесу бродит. Да не может к нам зайти, у нас оберег от него на доме стоит.

— А зачем оберег? — удивилась Лида. — Вроде хороший дедушка.

— Дедушка он, может, и неплохой, да только помер он 10 лет назад, окаянный, теперь мне покоя не дает, — ответила Никифоровна. — Я иногда, когда в лес хожу, слышу, как он зовет меня, скучает. Но я на его голос не иду, знаю, в могилу хочет к себе затащить. Скучно ему там без меня.

Лида на мгновение застыла с ложкой супа в руках, потом медленно опустила ее в тарелку. Она не могла понять, когда старушки говорят серьезно, а когда шутят. Хотя за время, проведенное в этом доме, она уже мало чему удивлялась.

После обеда они, как и планировали, легли поспать. Сначала Лиду охватило непонятное волнение, в ее голове стали возникать образы посвящения в ведьмы и того, как это будет происходить. Но через некоторое время ранний подъем и большой объем работы, проделанный за день, сделали свое дело, и она провалилась в безмятежный сон.

В этот раз старушки не спешили вставать, а старались хорошенько выспаться, так как знали, что впереди их ждет длинная ночь, в течение которой у них не получится поспать. Поэтому и Лида успела выспаться, прежде чем ее разбудила баб Маша. Сказала одеваться потеплей и собираться в лес.

Пока она еще спала, старушки успели собрать две небольшие сумки, в них были продукты, самогон, какие-то травы, ритуальные принадлежности. И, как все уже догадались, нести эти сумки надо было Лиде.

Когда они собирались выходить, уже приближался вечер, а это значило, что Лиде снова надо было успеть набрать побольше веток для костра, чтобы потом в потемках не искать, что подкинуть в огонь. И когда они прибыли на место, старушки стали разжигать огонь и готовить перекусить, а Лида начала сбор веток в округе. Они были как раз в том месте, где совсем недавно она заготавливала дрова и где в округе оставалось уже довольно много мелких веток. Уже через полчаса она подготовила огромную гору веток, которую планировала использовать для поддержания огня в костре.

Тем временем старушки уже вовсю орудовали над костром, кипятили на костре воду и кидали в нее травы. Бормотали непонятные слова и загадочно улыбались. Лиде опять показалось, что реальность покидает ее и она погружается в мир чего-то загадочного и магического. В это время стало стремительно темнеть, прохлада и темнота стали окружать их со всех сторон. И только костер давал свет и тепло, поэтому хотелось сесть к нему поближе.

Ночь выдалась темной и безлунной — именно такой, какой и должна быть ночь посвящения. Лес вокруг казался живым: деревья скрипели, будто перешептывались между собой, а где-то вдалеке ухала сова — верный знак, что духи

наблюдают за происходящим.

У старого дуба, что стоял на поляне в самой глуши, уже пылал костер. Его пламя, высокое и яркое, бросало причудливые тени на лица двух старых ведьм — баб Маши и Никифоровны. Они были одеты в длинные черные плащи с капюшонами, а в руках держали резные посохи, украшенные символами, смысл которых знали лишь избранные. При этом откуда они взялись в этой лесной глуши, Лида так и не поняла, так как из дома посохи они точно не брали. На мгновение ей показалось, что эти посохи выросли из-под земли и старушки просто схватили их как часть магического атрибута.

Рядом с ними стояла Лида — молодая девушка с широко раскрытыми глазами. Она дрожала, но не от холода — от волнения. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Она давно мечтала об этом моменте, но теперь, когда он настал, страх сковал ее.

Баб Маша, старшая из ведьм, подняла посох и произнесла низким, хриплым голосом:

— Лида, готова ли ты отречься от прежней жизни и принять путь, что ведет сквозь тьму и свет? Готова ли ты служить силам, что старше самого времени?

Лида сглотнула, но ответила твердо:

— Да, готова.

Никифоровна, молчавшая до этого, шагнула вперед и протянула девушке кружку с темной жидкостью:

— Выпей это. Это отвар из трав, собранных под полной

луной. Он откроет твой разум и позволит увидеть то, что скрыто от обычных людей.

Лида взяла кружку обеими руками и сделала глоток. Вкус был горьким, с нотками полыни и чего-то еще, неуловимого. В тот же миг ее голова закружилась, а мир вокруг стал ярче и четче.

Пламя костра взметнулось выше, почти до самых ветвей дуба. Ведьмы начали напевать древний заговор — слова звучали странно, будто на забытом языке. Лида почувствовала, как ее тело становится легким, а сознание отделяется от него.

Перед глазами замелькали образы: то она летит над лесом, ощущая ветер крыльями — не человеческими, а птичьими, то видит себя в кругу других ведьм, танцующих под звездами, то слышит шепот духов, зовущих ее по имени; перед ней проносятся картины будущего — туманные, но завораживающие. Потом перед ней пронеслись все страхи, которые она испытала в деревне, и все это показалось ей таким простым и очевидным, что она совсем перестала удивляться.

Когда видения отступили, Лида поняла, что стоит на коленях, а ведьмы поддерживают ее под руки.

— Ты видела, — утвердительно сказала баба Маша. — Теперь ты знаешь, что путь ведьмы — это не только сила, но и ответственность.

Никифоровна достала из складок плаща маленький нож с костяной рукояткой и протянула Лиде:

— Пора дать клятву. Проколи палец и капни кровью на

землю у корней дуба. Это будет дар духам леса и знак твоего посвящения.

Лида, хоть и боялась, сделала, как велели. Капля крови упала на черную землю, и в тот же миг пламя костра вспыхнуло алым.

Баба Маша подняла посох, направив его на девушку, и произнесла:

— Силами, что старше гор и глубже морей, нарекаю тебя ведьмой. Пусть знания твои растут, сила крепнет, а путь будет верным.

На лбу Лиды появилось едва заметное клеймо — тонкий узор, похожий на переплетение ветвей. Оно горело теплом, а затем исчезло, став невидимым.

— Теперь ты одна из нас, — улыбнулась баба Маша, помогая Лиде подняться. — И очень скоро мы начнем твое обучение. Но помни: сила дается лишь тем, кто умеет хранить тайны.

Костер начал угасать, а тени вокруг стали менее зловещими. Лес снова наполнился привычными звуками — треском веток, шорохом листьев.

Лида огляделась. Она чувствовала себя иначе — будто что-то внутри нее пробудилось. Теперь она знала: прежняя жизнь осталась позади, а впереди ее ждет путь, полный тайн, магии и испытаний. В это время старушки выпили самогонки и пустились в пляс вокруг Лиды и костра, их лица выражали радость, а их движения были не совсем ловкими, так

как все-таки годы давали о себе знать. Их танец очень позабавил Лиду, она заулыбалась. Но в следующий момент все застыли на месте, а улыбки пропали с их лиц. Среди ночной тишины раздался протяжный вой не то собаки, не то волка. После небольшого молчания вой повторился, а старушки присели на бревнышко возле Лиды.

— Вот старый, хочет нам помешать. Это Гриша вернулся, и его собака воет. Был у него пес раньше такой здоровый, на волка был похож, так же выл. Да потом так на могиле у хозяина через неделю и умер. Мы приходим, а он прямо на могилке лежит и язык высунул, там рядом с кладбищем его и похоронили. Теперь не хочет, чтобы мы тебя ведьмой сделали, вот и призвал свою собаку, — сказала баб Маша, потом схватила горящую ветку за еще не охваченный огнем край и начала чертить круг вокруг костра. Искры, казалось, танцевали в воздухе, а потом устремлялись вверх и исчезали в ночи.

— Надо тут оставаться до утра, — тихо сказала Никифоровна. — Не даст нам покоя эта псина, будет нас преследовать в ночи да загонит в болота, так и сгинем. Вот дров мало осталось, надо будет как-то в лес еще сходить за ними, в темноте. А пока давай, Лида, подкидывай понемногу ветки, надо будет растянуть их до утра.

Лида подкинула несколько веток в костер и попыталась всмотреться в темноту леса, но ничего не увидела, впереди как будто была пустота, из которой в очередной раз раздался

протяжный вой собаки. Она не знала, что делать в такой ситуации, страх начал пробираться в сердце и вызывать легкое волнение во всем теле. После каждого шороха казалось, что кто-то сейчас выскочит из леса и накинется на них, а сам вой раздавался то дальше, то ближе, то возникал неожиданно, то вновь пропадал на какое-то время, и когда казалось, что вой прекратился совсем, он начинал раздаваться снова.

Время тянулось долго, но старушки не унывали: они разливали самогон и перекусывали продуктами, которые принесли с собой. Только вот Лиде ничего не хотелось, кроме того, чтобы побыстрей наступило утро и она могла вернуться на кровать и поспать. К утру становилось холодней, хотелось подкинуть побольше дров, но идти в темноте за ветками очень не хотелось. Поэтому Лида попросила налить и ей и выпила рюмку не закусывая. Приятное тепло разлилось по телу, и сразу как-то стало спокойней, а старушки показались вновь всего лишь милыми и веселыми женщинами.

И все же, когда запасенные с вечера ветки практически закончились, начало светать, казалось, что темнота начинает убегать очень быстро, она же и унесла с собой страшный вой, а уже через некоторое время лес наполнился пением птиц, и ночные страхи окончательно отступили. С первыми лучами солнца Лида почувствовала прилив сил, как будто и не было бессонной ночи. Собрав возле костра все свои вещи и затушив огонь остатками воды, все трое отправились из леса домой.

— Сейчас скотину покормим и ляжем спать, сегодня уже так много работать не будем, — начала баб Маша. — А вечером перейдем к изучению деревенской магии. Завтра еще сходим на кладбище, надо тебе будет помянуть умерших ведьм, чтобы они тоже силой с тобой поделились. Это такой порядок.

— А что за кладбище такое? Там одни ведьмы покоятся? — спросила Лида.

— Не, — ответила Никифоровна, — там всех с округи хоронят, но ведьм немного в стороне. Никто не хочет их хоронить рядом со своими родственниками, да и батюшка местный против. У них там даже своя оградка есть. Но скоро сама все увидишь, там довольно много ведьм и колдунов уже скопилось, некоторые кресты уже совсем покосились от старости. Но стараемся за ними всеми ухаживать, чтобы в порядке там все было, чтобы не серчали они на своих земляков да ничего дурного на них не слали.

Придя домой, все дружно покормили скотину, быстро перекусили, попили чагового чая и улеглись спать. Лида практически моментально провалилась в сон, ей снились школьные годы, отец, который был рядом и хотел с ней куда-то пойти, а она отвернулась и пошла своей дорогой. Потом снился институт, потом работа. Казалось, что в этот раз во сне пронеслась вся ее жизнь, а сам сон был каким-то бесконечно долгим. Но в один момент она проснулась и даже не поняла, что ей такое приснилось, остались только обрывки сна,

из которых она хотела построить цельную картинку, но не смогла.

Старушки еще мирно спали, когда Лида не спеша встала и пробралась на кухню, там она сделала себе чая и, присев у окна, стала смотреть, как на улице неспешно гуляет коза. Сейчас у нее на душе было полное умиротворение. Казалось, что она прожила с этими старушками целую жизнь.

Через некоторое время старушки проснулись, посмотрели на время и вспомнили, что им пора учить Лиду деревенской магии. Они как-то сразу быстро засуетились. Раскрыли старинный шкаф, стали доставать травы, горшочки, какие-то мешочки, непонятные для Лиды магические атрибуты.

В избе запахло травами, воском и чем-то древним. На стенах развесили пучки сушеных растений, на полку поставили глиняные горшочки с непонятными порошками.

— Сперва надо познакомиться с домовым, — строго сказала Никифоровна. — Без его милости тут ничего не выйдет.

Баба Маша протянула Лиде блюдце с молоком и ломтиком хлеба:

— Поставь у печки и скажи: «Хозяюшко, прими угощенье, будь мне в учении помощником».

Лида сделала, как велели. В тот же миг где-то за печкой раздался тихий стук — будто кто-то постучал в ответ.

— Видала? — подмигнула баба Маша. — Он тебя приметил. Теперь будет присматривать.

Затем бабы усадили Лиду за стол, разложили перед ней

пучки трав.

— Это не просто полынь да зверобой, — объясняла Никифоровна, перебирая сухие стебли. — В каждой — своя сила. Полынь отгоняет нечисть, зверобой дает силу, ромашка успокаивает душу.

Баба Маша достала толстую тетрадь в кожаном переплете:

— Вот, учись. Запомни слова заговора на защиту:

«Трава сухая, сила живая,
Обереги меня, сохрани
От глаза дурного, слова злого,
В пути и в доме, во сне и наяву».

Лида повторила слова, стараясь запомнить интонацию. Никифоровна кивнула:

— Хорошо. Теперь возьми щепотку полыни, заверни в лоскут и носи при себе. Это твой первый оберег.

После старушки повели Лиду к уже знакомому ей колодцу.

— Вода — она все помнит, — говорила баба Маша, опуская в колодец старое ведро. — Умеешь слушать — она тебе многое расскажет.

Никифоровна велела Лиде зачерпнуть воды в ладони и посмотреть сквозь нее на солнце.

— Видишь блики? Если они кружатся — жди новостей. Если дрожат — будь осторожна. А если застынут — значит, кто-то думает о тебе.

Лида вгляделась — блики медленно кружились, будто

танцевали.

— Что это значит? — спросила она.

— Скоро новости будут, — улыбнулась баба Маша. — И не простые.

Бабы показали Лиде, как набирать воду для обрядов, и научили короткому заговору на чистоту помыслов:

«Вода-водица, смой сомненье,
Дай ясность мысли, дай терпенье».

А уже перед закатом бабки вывели Лиду во двор.

— Сегодня научишься просить помощи у луны, — сказала Никифоровна.

Они расстелили на траве старую скатерть, поставили три свечи и миску с родниковой водой.

— Повторяй за мной, — велела баба Маша:

«Луна-матушка, свет твой чист,
Дай мне силы, дай мне глаз,
Чтобы видеть, что скрыто,
Чтобы знать, что забыто».

Когда Лида произнесла последние слова, вода в миске вдруг замерцала серебристым светом.

— Получилось! — ахнула она.

— Конечно, получилось, — кивнула Никифоровна. — Ты ведь наша теперь.

Сразу после обряда бабки решили проверить, чему Лида научилась за день.

— Сейчас пойдешь в сад за домом, — строго сказала Ни-

кифоровна. — Возьмешь с собой оберег, что мы сделали. Если он нагреется — значит, рядом нечисть. Если задрожит — иди назад.

Баба Маша добавила:

— И помни: слушай не ушами, а сердцем. Оно подскажет, где тропа верная.

Лида отправилась в сад. Сначала было страшно, но, когда она почувствовала, как оберег слегка потеплел, она успокоилась. Она шла, прислушиваясь к шелесту листьев, и вдруг поняла, что знает дорогу — будто кто-то невидимый ее ведет.

Вернувшись, она рассказала бабам обо всем. Те переглянулись и улыбнулись.

— Ну, теперь ты точно наша, — сказала баба Маша, обнимая Лиду. — В тебе сила есть. Надо только ее растить.

Никифоровна кивнула:

— Будешь учиться дальше. Многое еще предстоит узнать. А пока давайте поедим да будем спать ложиться. А ты, Лида, все запоминай, и все заговоры и обряды повторяй и прокручивай у себя в голове. Ты все должна помнить и знать наизусть, тогда и сила магическая будет в тебе расти каждый день.

Утро выдалось туманным и прохладным. Лида, Никифоровна и баба Маша вышли из дома еще до рассвета — старушки говорили, что для нужного обряда важно попасть на кладбище на границе ночи и дня, когда мир духов ближе все-

го к миру живых.

Никифоровна несла плетеную корзину, прикрытую холстиной, — в ней позвякивали стеклянные баночки с травами и маленькими свечами. Баба Маша держала в руках старый кожаный мешочек и деревянный посох, вырезанный из рябины. Лида шла между ними, сжимая в руках пучок сушеной полыни — ее велели взять «на всякий случай».

Тропа, ведущая к кладбищу, петляла через лес. Туман стелился по земле, окутывая корни деревьев, а ветви елей цеплялись за подолы платьев.

— Не отставай, Лида, — строго сказала Никифоровна. — И не оглядывайся, если услышишь шаги за спиной. Это лес проверяет, крепка ли твоя воля.

Баба Маша добавила, понизив голос:

— А еще смотри под ноги. Тут тропа непростая — если собьешься, можешь и не выйти куда надо.

Лида кивнула, стараясь ступать след в след за старушками. Воздух становился все тяжелее, пахло сырой землей и чем-то сладковатым — так пахнет увядание и давняя память.

Наконец деревья расступились, и перед ними возникла покосившаяся деревянная ограда с калиткой. На ней висел проржавевший замок, а сама калитка была приоткрыта — будто кто-то только что вошел или вышел.

Старушки перекрестились, переглянулись и шагнули внутрь. Лида последовала за ними, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Кладбище выглядело старым и запущенным: большинство крестов покосилось, надписи стерлись, а некоторые холмики почти сравнялись с землей. Трава здесь росла густая и высокая, цеплялась за подол платья.

— Идем к краю, — тихо сказала Никифоровна. — Там, где ведьмы лежат, земля особая.

Они двинулись вглубь, осторожно обходя могилы. Баба Маша время от времени останавливалась, клала на некоторые холмики по ягодке рябины и шептала слова, которых Лида не разобрала.

Вскоре тропа привела их к краю кладбища — здесь деревья росли гуще, а земля была усыпана опавшими листьями, будто никто не ходил тут десятилетиями. За невысоким земляным валом стояли три невысоких каменных столба без имен. Они располагались отдельно от остальных захоронений, словно их специально отделили.

На камнях не было ни дат, ни надписей — только странные знаки, похожие на переплетенные ветви или руны. У подножия одного камня лежали свежие ягоды рябины, пучок засушенной полыни и маленький лоскут с вышитым обережным узором.

— Вот они, — тихо произнесла баба Маша. — Те, кто силу знал и передавал.

Никифоровна поставила корзину на землю, достала три тонкие свечи и расставила их у камней.

— Сейчас будем память почитать, — сказала она Лиде. —

И тебя научим, как с этой силой говорить.

Баба Маша достала из мешочка щепотку трав и рассыпала вокруг камней. Никифоровна зажгла свечи, и их пламя, вопреки ветру, горело ровно и ярко.

— Повторяй за нами, Лида, — велела Никифоровна и начала нараспев произносить слова древнего заговора:

«Духи ведающие, силы знающие,
Память не угасла, слово не забыто.
Примите дары, услышьте просьбу,
Дайте мудрости, дайте защиты».

Лида повторяла за ними, стараясь не сбиваться. Когда последние слова прозвучали, свечи вспыхнули ярче, а воздух вокруг стал гуще, будто наполнился чьим-то присутствием.

— Чувствуешь? — шепнула баба Маша. — Они тебя видят. И помнят.

Лида подняла глаза, и на мгновение ей показалось, что тени от деревьев сложились в фигуры трех женщин, склонившихся над камнями. Но стоило моргнуть — и видение исчезло. Но то, что Лида увидела через мгновение, заставило ее вздрогнуть. Перед ней выросли две новые могилы Никифоровны и баб Маши, а на них была одна и та же дата — 18 декабря следующего года. От страха Лида зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, то никаких свежих могил рядом с ней уже не было.

А в это время Никифоровна погасила свечи, собрала остатки трав.

— Теперь идем, — сказала она. — Ты их увидела, они тебя запомнили. Этого пока хватит.

Они направились обратно к калитке. Лида оглянулась — могилы ведьм уже скрылись в тумане, но ей казалось, что три силуэта все еще стоят там, провожая их взглядами.

Когда они вышли за ограду, солнце уже взошло, туман рассеивался, а лес снова стал обычным. Баба Маша вздохнула с облегчением:

— Ну вот, первый шаг сделан. Теперь ты знаешь, где искать, если понадобится.

Никифоровна кивнула:

— Помни, Лида: сила — она не в камнях и не в словах. Она в том, что передается из рук в руки, из сердца в сердце.

Лида молча кивнула, сжимая в кармане лоскут с обережным узором — тот, что лежал у одной из могил. Она знала: это был не просто подарок. Это был знак. Но в то же время она побоялась рассказать о своем видении: надо сначала разобраться, что оно значит и могут ли действительно старушки погибнуть в один день. Что такое должно произойти в этот день? Они отравятся? Угорят? Умрут от болезней? Или это будет просто совпадение? А может, это видение и вовсе ничего не значит. Лида терялась в догадках, но и расспрашивать старушек сразу не хотелось, так как она не знала, как они отреагируют на такие новости.

Придя домой, они опять все немного отдохнули, потом Лиду опять отправили заготавливать дрова на зиму. Все-та-

ки магия не способна на все, и некоторые вещи все равно приходится выполнять самой. Она немного расстроилась, но даже не оттого, что придется опять заниматься физическим трудом, а оттого, что снова надо будет идти в лес одной, и она пока не знает, какие приключения ее там ждут опять. За последние дни она уже привыкла к тому, что в любой момент с ней может произойти какая-то неожиданность, о которой в прошлой жизни она не могла и подумать. Никифоровна перед уходом дала ей небольшой оберег — засушенную веточку зверобоя в тряпице:

— На всякий случай, — сказала она. — В лесу всякое бывает.

Лида повесила оберег на шею и улыбнулась: она уже начинала привыкать к тому, что магия вплетается в повседневные дела.

Дойдя до подходящей опушки, Лида остановилась. Она вспомнила наставления старушек: не рубить живые деревья — брать только сухостой и упавшие стволы, а перед работой попросить разрешения у духа леса.

Лида положила ладонь на ближайший сухой ствол и тихо произнесла:

— Спасибо, дерево, что даешь нам тепло. Пусть твой дар согреет добрых людей.

Она выбрала несколько сухих стволов, лежащих на земле, и принялась за работу. Сначала пилой аккуратно распилила самые толстые бревна на части удобной длины. Пила сколь-

зила по древесине с ритмичным звуком — вжик-вжик.

Распиленные бревна нужно было расколоть на поленья. Лида взяла топор, встала поудобнее и нанесла первый удар. Топор звонко вонзился в древесину, расколов ее пополам. В этот раз работа продвигалась более ритмично, руки и ноги уже так не болели, а спина меньше наливалась усталостью.

Когда пот выступил на лбу, а мышцы рук начали уставать, Лида решила не останавливаться, а сначала подготовить больше дров, а потом просто их перевозить.

Время от времени она оглядывалась по сторонам. Лес жил своей жизнью: где-то стучал дятел, шуршали листья под лапами зверька, ветер шелестел в кронах. Но Лида больше не боялась — она чувствовала, что лес не враждебен, а просто наблюдает.

Когда усталость стала давать о себе знать, Лида вспомнила еще один урок старушек. Она положила ладонь на очередное бревно и прошептала заговор, которому научили старушки:

«Дерево сухое, сила лесная,

Дай рукам крепость, спине — покой,

Топору — меткость, полену — раскол,

А мне — тепла на долгую зиму».

После этого работа пошла легче. Топор будто сам находил верные точки удара, а поленья раскалывались ровнее. Лида улыбнулась — магия помогала, но не делала все за нее, а лишь поддерживала усилия.

Тележка постепенно наполнялась аккуратно сложенными

поленьями. Лида укладывала их плотно, чередуя длинные и короткие, чтобы поместилось больше. Когда тележка была полна до краев, Лида подперла верх несколькими ветками, чтобы поленья не рассыпались в дороге.

Обратный путь оказался тяжелее — груженая тележка сопротивлялась на подъемах и норовила свернуть с тропы на спусках. Но Лида упорно толкала ее вперед, время от времени вытирая пот со лба.

У самой деревни ее встретили Никифоровна и баба Маша.

— Ну, молодец, девка! — воскликнула баба Маша, оглядывая тележку с дровами. — Вижу, не зря тебя учили.

— И магия пригодилась, и руки крепкие, — одобрительно кивнула Никифоровна. — Так и надо: сила с умением — вот настоящий путь ведьмы.

Лида улыбнулась, чувствуя гордость и усталость. Она помогла старушкам, поработала на свежем воздухе и убедилась, что магия — это не только заговоры и обряды, но и умение делать обычные дела с душой и мудростью. А потом произнесла:

— Я там много дров наготовила, сейчас осталось только их перевезти. Сегодня у меня прям прилив сил.

За несколько раз она привезла целую гору дров, и сарай стал наполняться быстрей, теперь у нее уже не возникало сомнений, что она справится с поставленной задачей в самое ближайшее время. Ее радовало, что до леса было близко, а сам лес был полон упавших деревьев и веток.

После работы на свежем воздухе настроение заметно улучшалось, но в то же время в теле было ощущение усталости. Теперь все вечера они стали тратить на изучение магии, оказалось, что тут действительно есть чему учиться. Старушки наперебой рассказывали ей про пользу трав, как их правильно готовить и от чего применять. Потом они начали призывать умерших, и когда она в зеркале увидела первый раз чей-то силуэт, то действительно сильно испугалась, но старушки даже ухом не повели, и Лида тоже успокоилась. Сначала старушки вызывали своих знакомых, родственников, потом предложили вызвать ее отца и поговорить с ним.

Лида очень удивилась, когда в комнате за спиной она услышала голос своего отца, но старушки предупредили, что оборачиваться нельзя, иначе она потом может утратить способность с ним разговаривать в дальнейшем. Дрожащим голосом она задавала отцу вопросы и все больше убеждалась, что говорит именно с ним, так как он рассказывал такие истории, о которых мог знать только он сам. Лиде показалось, что она перенеслась на несколько лет назад и, как раньше, сидит и разговаривает со своим отцом у себя в квартире за кружкой ароматного кофе. Но тут вдруг его голос стал становиться тише, потом она уже с трудом могла разобрать его слова, а потом он и вовсе перестал раздаваться у нее за спиной. Лида вопросительно посмотрела на старушек, а Никифоровна ответила:

— У тебя еще недостаточно силы, как наберешься опыта,

сможешь удерживать духов больше и дольше. А пока только так. Без нас пока не старайся никого вызывать, пока мы тебе не разрешим. Просто иногда могут прийти не только наши родственники, но и бесы, которые ими притворяются, а ты не сможешь их самостоятельно распознать и приведешь их к себе в дом. Так что продолжай обучение, тебе предстоит еще очень многому научиться.

После сеанса с отцом обучение магии на сегодня решено было приостановить, чтобы Лида могла прийти в себя, переосмыслить увиденное и услышанное за день, а также найти душевное спокойствие, чтобы никакие мысли не отвлекали ее от дальнейшего обучения.

Этой ночью Лида еще долго не могла уснуть, прокручивала в голове свой разговор с отцом, начинала придумывать, какие вопросы она ему обязательно задаст в следующий раз. Сам сон подкрался совсем незаметно, и в этот раз ей ничего не снилось, а может, она просто не запомнила свои сновидения.

Наутро все повторилось снова: помощь по огороду, принести воды, навозить дров, а вечером в окружении старушек снова изучение магии. От некоторых вещей становилось страшно, другие, наоборот, вызывали удивление и радость. И если одни обряды они совершали прямо в доме, то другие делали на улице, в лесу, у пруда. И все это придавало ей еще больше магических сил и наделяло уверенностью. Время в деревне неслось стремительно.

За месяц в деревне она не только научилась всяким магическим штукам, но и привела деревню в порядок. Даже поправила соседские заборы, которые со временем стали коситься набок. С заготовкой дров на зиму тоже был полный порядок. Теперь у старушек был целый сарай дров, и никакая зима им не была страшна. А однажды вечером Никифоровна заявила, что Лида теперь все знает и ее больше нечему учить, а само обучение уже подошло к завершению. И если она хочет, то может спокойно ехать в город и проходить отборочные испытания для «Шоу экстрасенсов». Но Лида решила остаться в деревне еще на пару дней, насладиться природой, сходить еще раз на пикник со старушками.

От поездки в деревню у Лиды остались самые теплые воспоминания, ей казалось, что она прикоснулась к чему-то древнему и в то же время прекрасному, а также сумела раскрыть в себе скрытый потенциал. Теперь будущее не страшило ее, она четко знала, что теперь поедет на «Шоу экстрасенсов» не только чтобы выиграть деньги, но и чтобы показать свою силу.

Расставание со старушками прошло со слезами на глазах. На ближайшую остановку ее так же отвез Сергей, а оттуда она уже доехала до автовокзала в своем городе. Дома ее уже встречали мама и дочка. Они посидели в семейном кругу, пообщались, поделились своими переживаниями. Потом Лида долго рассказывала о своих приключениях, невероятных событиях и уроках двух старых ведьм, которые вылили

на нее просто целый поток знаний и умений. Мама смотрела на дочку с нескрываемым удивлением, а Алиса, наоборот, с неким недоверием, уж все это было больше похоже на выдумку, чем на то, что могло случиться в реальности.

На следующий день Лида начала искать в интернете информацию о том, как подать заявку на участие в «Шоу экстрасенсов». Заполнив небольшую анкету на сайте и приложив описание своих умений, она отправила свои данные и стала ждать звонка или ответа на почту. Она все достаточно подробно расписала, но ей никто не перезванивал, а на почту приходили только рассылки, предложения, акции. И вот, когда она почти полностью перестала ожидать ответа, то прочитала в социальных сетях, что в Москве будет проходить открытый кастинг, и решила поехать туда, чтобы проявить себя во всей красе на практике, а не в умении писать красивые и длинные письма с описанием своих способностей.

В один из солнечных летних дней Лида купила билеты до Москвы и отправилась в свое новое приключение. Настроение у нее было самое боевое, и ей искренне верилось, что ей по силам стать самым сильным экстрасенсом в этом году. За окном вагона пролетали поля, леса, небольшие деревушки, так похожие на ту, где две милые старушки обучали ее деревенской магии. Лида твердо решила, что после участия в шоу она обязательно вернется в деревню и там погостит еще недельку.

Столица встретила Лиду потоками спешащих куда-то лю-

дей. После ее относительно небольшого города Москва казалась огромным мегаполисом с огромным количеством людей, машин, техники, магазинов, бесконечными рядами домов, офисных зданий, кафе, ресторанов. Квартиру она сняла недалеко от вокзала, а поэтому решила пройтись немного пешком. Несмотря на то, что сами отборочные испытания должны были идти только три дня, она сняла квартиру на две недели, чтобы погулять по Москве побольше, ознакомиться с музеями, достопримечательностями, погулять по ее улочкам и паркам. Последний раз она была в Москве вместе с родителями, и, казалось, это было так давно, что многие подробности напрочь стерлись из ее памяти, да и сам город очень сильно изменился за это время. Настолько, что она бы и не узнала те места, которые посещала с родителями в те далекие годы. Тогда ей было чуть меньше 10 лет, когда они приехали на свадьбу одной из своих родственниц и задержались в Москве на несколько дней. Еще тогда Москва показалась Лиде удивительным городом, в котором жизнь не замирает даже по ночам.

В прошлый раз ее больше всего удивило метро и эти бесконечные потоки людей. Их, казалось, было так много, что она даже не могла представить, как они все тут вмещаются и как на всех хватает воздуха. При этом в метро можно было встретить представителей самых различных национальностей. Это тоже одновременно и пугало, и удивляло маленькую Лиду, так как в одном вагоне метро могли собраться са-

мые разнообразные по одежде и внешности люди, которые так же неожиданно могли сойти на абсолютно любой станции метро, а на их место сразу же садились уже совершенно другие люди. Еще запомнилась поездка на Красную площадь, где также было очень много туристов из других стран.

В своих записях на телефоне Лида успела составить целый список мест, которые она собиралась посетить в Москве на этот раз, и этот список был настолько большой, что она не была уверена, что за эти две недели успеет побывать везде. Поэтому она разделила этот список от самых важных мест, которые она хотела бы посетить, до менее интересных, на ее взгляд.

Идя до своей квартиры, Лида заметила, что иностранцев стало еще больше, но в этот раз они были одеты лучше, казались не такими странными, как тогда в детстве. Придя в нужный двор, она позвонила в домофон, ей открыла дверь приятная женщина. Быстро рассказала, где что находится в квартире, показала кровать, ванную, туалет, а потом отдала ей ключи и ушла.

Поставив на плиту чайник, Лида достала печенье из своей сумки, которое она брала в дорогу, но которое так и осталось нераскрытым. И, по-быстрому перекусив, решила еще прогуляться по району и закупиться продуктами на ближайшее время. До самого кастинга оставалось еще пару дней, поэтому это время можно было потратить на себя и свои впечатления.

После непродолжительной прогулки Лида наготовила себе еды и отправилась спать, чтобы завтра проснуться пораньше и больше времени уделить поездкам по Москве.

На следующий день первым делом Лида направилась к Красной площади. Когда перед ней открылись стены Кремля, Спасская башня с курантами и собор Василия Блаженного с его причудливыми куполами, она невольно затаила дыхание. Она неторопливо обошла площадь, рассматривая каждую деталь, сфотографировала знаменитую брусчатку и ненадолго присела на скамейку у Исторического музея.

Рядом с площадью Лида заглянула в ГУМ. Ее поразили высокие сводчатые потолки, нарядные витрины и атмосфера вечного праздника. На третьем этаже она нашла уютное кафе, где выпила кофе и немного перекусила.

После Лида спустилась в Александровский сад. Здесь было тише и спокойнее. Она прогулялась вдоль аллей, разглядывала фонтаны и памятники, наслаждаясь коротким моментом тишины посреди мегаполиса.

На следующий день Лида решила исследовать зеленые уголки столицы. Сначала она поехала в Парк Горького. Она взяла напрокат велосипед и с удовольствием прокатилась по широким аллеям, миновала Нескучный сад и остановилась у набережной. Вид на Москву-реку с проплывающими теплоходами завораживал.

Затем Лида отправилась в Коломенское. Старинные терема, белокаменные церкви и раскидистые деревья создавали

особую атмосферу. Она поднялась на смотровую площадку, откуда открывался вид на излучину реки, и долго стояла там, любуясь пейзажем.

Вечером Лида прогулялась по Арбату. Узкие улочки, уличные музыканты, художники с мольбертами и сувенирные лавки очаровали ее. Она зашла в небольшое книжное кафе, заказала чай с пирожком и наблюдала за прохожими, чувствуя себя частью этого большого города.

Третий день Лида посвятила музеям и современным пространствам. Утром она отправилась в Третьяковскую галерею. Картины словно затягивали ее внутрь: она подолгу стояла у полотен Репина, восхищалась пейзажами Шишкина и задумчиво разглядывала иконы в древнем зале.

После галереи Лида поехала в Зарядье — парк, где современность встречалась с историей. Она прошла по Парящему мосту, полюбовалась видами на Кремль и собор Василия Блаженного, а потом заглянула в «Стеклянную кору» — необычный павильон с микроклиматом.

Завершить путешествие перед своим участием в отборочных испытаниях Лида решила в Москва-Сити. Поднявшись на смотровую площадку одной из башен, она увидела город как на ладони: бесконечные улицы, реки, парки и здания, тянущиеся до самого горизонта. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Лида достала смартфон и сделала еще один снимок — на память.

Приехав в свою съемную квартиру, Лида долго не могла

найти себе места. Несмотря на море впечатлений, которые остались у нее от прогулок по Москве, спать совсем не хотелось. Завтра должен быть важный день, и надо быть готовой ко всему.

Лида легла на кровать и попробовала уснуть, но не могла. Она раз за разом пыталась прокрутить все то, чему учили ее старушки. Потом она попыталась представить свое задание, но каждый раз эти испытания были разными. Поэтому она представляла себя сначала в одной роли, потом в другой. Пыталась заглянуть в будущее, но ничего не помогало. Потом она помолилась лесным духам, как учила ее баб Маша, и уже только после этого смогла уснуть.

Проснулась она достаточно выспавшейся и отдохнувшей. Ей казалось, что ночью ей снилось что-то важное, но что именно она видела во сне, вспомнить она так и не смогла. По-быстрому перекусив, Лида стала собираться ехать на свои отборочные испытания.

Когда она оказалась на месте, то сильно удивилась, насколько пестрая и разнообразная публика собралась, чтобы попробовать попасть на «Шоу экстрасенсов». Здесь были шаманы, гадалки, колдуны, ведьмы. Кто-то называл себя оборотнем или вампиром, но никто ни в кого не обращался, потому что днем нельзя либо обращаются только в полнолуние, в лесу, когда никто не видит. Один такой оборотень даже предложил Лиде сбежать в лес, по-быстрому сделать там свои дела и вернуться. Лида только покрутила у виска и про-

шла к стойке регистрации. Ей выдали талончик номер 127. «Надо было пораньше приезжать», — сразу подумала Лида, но больше ничего не оставалось делать, как ждать своей очереди.

В ожидании своей очереди Лида успела пообщаться с некоторыми другими участниками, у некоторых из них были довольно интересные костюмы и инвентарь. На мгновение Лиде показалось, что она попала в какой-то огромный театр, где каждый играет свою роль и свою пьесу. А сама Лида чувствовала себя единственным зрителем всего этого. Территория, где проходили испытания, была закрытая, и простых прохожих сюда не пускали, чтобы они не мешали происходящему. Несмотря на множество интересных персонажей, очередь тянулась медленно. Лида пожалела, что не взяла с собой что-нибудь перекусить. После нескольких часов ожидания хотелось просто побыстрее все закончить, заскочить в ближайший фастфуд и плотно пообедать. И вдруг Лида осознала, что очередь перевалила за первую сотню и ее тоже скоро позовут для прохождения испытания.

И вот на входе в небольшое помещение загорелась надпись с номером 127. Лида сразу заволновалась и направилась к двери. Из нее тут же вышел расстроенный предыдущий участник и что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Когда она зашла в помещение, то перед ней стоял стол, за которым сидели три человека. Одного из них, ведущего «Шоу экстрасенсов», она хорошо знала, двух других девушек, ко-

торые сидели по обе стороны от ведущего, она видела в первый раз. Также в комнате был оператор, который снимал все происходящее на камеру. Когда Лида подошла поближе и поздоровалась, ведущий указал ей на стол и сказал:

— Выбирайте конверт, но не открывайте его. Расскажите, что в нем лежит, наиболее подробно.

В этот момент Лида вспомнила свои студенческие экзамены и как она тоже перед ними волновалась. Взяв первый попавшийся конверт, она прижала его к груди, и вдруг в ее голове промчался сон, который она видела этой ночью. Она была в гостях у бабы Маши, а на столе лежала фотография мальчика лет 7.

— Кто это? — спросила Лида у старушки.

— Это мальчик Олег, — грустно произнесла баб Маша.

— А что с ним? — спросила Лида.

— Никто не знает, он просто пропал и не оставил после себя никаких следов. Пошел в обед на речку и исчез. На речке его тоже никто не видел, хотя тогда там было полно народа. Но ты обязательно запомни эту фотографию, — и после этих слов щелкнула Лиду по лбу.

После этого она и проснулась утром, но вспомнила об этом только сейчас.

— Там фотография мальчика. Такой маленький еще, не больше 10 лет, даже меньше, скорее всего. Светленький, такой хорошенький. Но он пропал, никто не знает, что с ним произошло.

— И вы не знаете, что произошло? — спросил у нее ведущий.

— Нет, не знаю, как будто щелчок — и все пропало. Не могу понять. Он, может, и сам не понял, что случилось.

— Давайте открывайте тогда.

Лида дрожащими руками стала открывать конверт, внутри действительно была фотография мальчика, а на обратной стороне была надпись: «Олег, 8 лет. Пропал 20 августа». Она протянула эту фотографию ведущему.

— Ничего себе, — сказал он. — Вы, наверное, пока лучшая, кто прошел это задание за сегодня. Мы вас обязательно возьмем в финал. В анкете же вы указали свой номер телефона? Тогда мы вам перезвоним. Всего доброго, надеюсь, мы с вами еще увидимся.

Лида попрощалась со всеми и вышла на улицу. В ее душе были одновременно и радость, и переживание. Радость за то, что она смогла показать свою силу, а тревога за то, что она порой эту силу боялась. Да и мальчика было очень жалко, как и его родителей. Наверное, они еще по-прежнему верят, что он вернется домой и подробно расскажет, где был все это время.

Как и собиралась ранее, она отправилась в ближайший фастфуд и заказала самую большую шаурму. После испытания в голове крутились тысячи мыслей. А весь этот антураж с участниками, казалось, до сих пор мелькал перед ее глазами. В отличие от большинства участников, Лида ничего не

стала придумывать с костюмами, а пришла в своей обычной одежде — джинсах и футболке. На улице была еще хорошая погода, и Лида стала искать в телефоне, какие места можно посетить рядом. Увидев, что рядом есть один из многочисленных музеев Москвы, она доела и отправилась туда.

Совпадение или нет, но в эти дни в музее проходила выставка, посвященная магии, а в соседнем зале была выставка восковых фигур. Когда Лида проходила мимо них, ей казалось, что они смотрят на нее и хотят что-то сказать, но не могут. Она не спеша смотрела экспонат за экспонатом, присматривалась к книгам с заклинаниями, но они были убраны под стекло, а так хотелось взять эту немного обветшавшую книгу и прочитать ее содержание.

После того как Лида все обошла, ей стало скучно, и она отправилась в съемную квартиру, чтобы там отдохнуть. А вот вечер и оставшиеся дни до отъезда домой она полностью посвятила путешествиям по Москве. За это время ей удалось побывать в самых разнообразных местах. Во время одного из таких путешествий ее застал звонок из «Шоу экстрасенсов», ей сказали, что уже через месяц начнутся съемки, а на электронную почту ей скинут график съемок. Потом на всякий случай спросили, не передумала ли она участвовать в шоу, а когда получили положительный ответ, пожелали ей удачи и победы.

Сразу после этого Лида позвонила маме и Алисе и поделилась с ними этой новостью, а потом попыталась дозвониться

до баб Маши, но смогла с ней поговорить только с третьего или четвертого звонка, так как сначала оператор отвечал, что абонент находится не в сети. Баба Маша весело встретила эту новость и в шутку сказала, что теперь шоу будут смотреть всей деревней, то есть вдвоем с Никифоровной.

Когда она вернулась из Москвы домой, то воодушевление по поводу участия в «Шоу экстрасенсов» сменилось тревогой и волнением, и чем меньше времени оставалось до начала съемок, тем сильней она начинала волноваться. Лида старалась занять себя новыми увлечениями, даже зарегистрировалась на сайте с вакансиями и попыталась найти какую-то подработку на ближайший месяц, но мысли снова и снова возвращали ее к участию в предстоящем шоу. Иногда ей казалось, что она открыла дверь во что-то страшное и таинственное.

Глава 3. Перед первым испытанием

Последние недели перед отъездом тянулись для Лиды как резиновые. Утром она просыпалась с мыслью, что до съемок еще целая вечность, а к вечеру ловила себя на том, что считает дни на пальцах, как школьница перед летними каникулами. Письмо с графиком пришло на почту в понедельник, и Лида перечитала его раз двадцать, хотя ничего особенного там не было: дата сбора, адрес гостиницы, список вещей, которые нужно взять с собой, и строгая приписка, что опоздания не допускаются, а участник, не явившийся к назначенному времени, выбывает без объяснения причин.

— Как в армию собираешься, — сказала мама, заглядывая через плечо в экран ноутбука. — Список вещей, явка обязательна. Еще бы написали: «Портянки и котелок при себе иметь».

— Мам, там написано «удобная одежда на любую погоду, теплая куртка, резиновые сапоги». Сапоги-то зачем? Они нас что, в болото повезут?

— А ты как думала? Экстрасенсы же по болотам и ходят. Где еще нечистую силу искать? Не в торговом же центре.

Лида рассмеялась, но смех получился какой-то нервный. Мама это заметила, ничего не сказала, только погладила ее по плечу и ушла на кухню греметь кастрюлями. Екатерина Сергеевна вообще умела так: сначала поддеть, а потом ти-

хонько пожалеть, чтобы никто не видел. Особенно сама Лида.

С работой так ничего и не вышло. Лида честно разослала резюме в несколько мест, сходила на одно собеседование в небольшую фирму, которая продавала пластиковые окна, но девушка-кадровик, совсем еще юная, с длинными наращенными ресницами, так долго и подробно расспрашивала ее, почему она ушла с прежнего места и не собирается ли в ближайшее время в декрет, что Лида встала посреди разговора, вежливо сказала «спасибо, я подумаю» и ушла. На улице она долго смеялась сама с собой. В декрет. В тридцать шесть лет, при взрослой дочери и полном отсутствии мужчины на горизонте. Нет, определенно, этой девушке стоило бы самой податься в экстрасенсы — с такой фантазией ей была бы прямая дорога на шоу.

Деньги пока были. Лида всегда откладывала понемногу, на черный день, как учил отец, и сейчас этот запас позволял не паниковать. Несколько старых клиентов, узнав, что она ушла из агентства, сами написали ей и попросили вести рекламу напрямую. Лида согласилась на двоих — небольшую стоматологию и магазин детских игрушек. Это занимало часа два в день и приятно отвлекало. Цифры, ставки, ключевые слова, отчеты — все это было знакомым, понятным и предсказуемым. Не то что голоса за спиной и могилы с датами.

Про могилы она старалась не думать. Но получалось плохо.

Иногда, когда она мыла посуду или стояла в очереди в магазине, перед глазами вдруг всплывали два свежих холмика, рыхлая коричневая земля и деревянные кресты с одной и той же датой. Восемнадцатое декабря следующего года. Лида встряхивала головой, как собака после купания, и заставляла себя думать о чем-нибудь другом. О том, что надо купить хлеба. О том, что у стоматологии упала конверсия и надо проверить посадочную страницу. О том, что Алиса обещала приехать на выходные.

Алиса действительно приехала в пятницу вечером, с огромным рюкзаком, в котором, как выяснилось, лежали в основном грязные вещи для стирки.

— Мам, ну у нас в общежитии одна машинка на весь этаж, и там вечно очередь, — оправдывалась она, вытряхивая содержимое рюкзака прямо в коридоре. — А тут нормальный порошок, и бабушка еще погладит.

— Бабушка погладит, — передразнила Екатерина Сергеевна, выглядывая из кухни. — Бабушка вам что, прачечная? Иди руки мой, ужин стынет.

Но было видно, что она рада. За ужином Алиса рассказывала про университет, про преподавателя по статистике, который ставит зачет только тем, кто сидит на первой парте, про подругу, которая влюбилась в баристу из кофейни напротив и теперь пьет по четыре капучино в день. Лида слушала и улыбалась. Дочь повзрослела за этот год, как-то вытянулась, в лице появилось что-то новое, деловое, уверенное.

Но смеялась она по-прежнему как в детстве — запрокидывая голову и прикрывая рот ладошкой.

— Ну а ты, мам, правда на это шоу едешь? — спросила Алиса, когда бабушка ушла ставить чайник. — Я думала, ты прикалываешься. Бабушка мне по телефону рассказывала, но я не поверила.

— Правда еду. Через две недели.

— И что ты там будешь делать? Карты раскладывать? Ты же в жизни ни на чем не гадала, кроме ромашки.

— Неправда. Я в школе на картах гадала девочкам, и все сбывалось.

— Мам, тебе было пятнадцать, и ты всем гадала, что их любит какой-нибудь мальчик. Это не магия, это статистика. Кто-нибудь кого-нибудь всегда любит.

Лида посмотрела на дочь и подумала, что та очень похожа на бабушку. Тот же скептический прищур, тот же учительский тон. Только мама с возрастом стала мягче, а Алиса пока была в той поре, когда весь мир кажется понятным и объяснимым, если хорошенько разобраться.

— Хорошо, — сказала Лида. — Давай проверим.

— Как проверим?

— Дай мне свой телефон. Не разблокированный, просто дай.

Алиса пожала плечами, но телефон протянула. Лида взяла его в руки, повертела, посмотрела на чехол — прозрачный, с засушенными цветочками внутри, на трещинку в левом уг-

лу экрана, на то, как он был теплым с одной стороны. Потом закрыла глаза и посидела так несколько секунд. Никакого видения не пришло. Зато она отчетливо вспомнила, как Алиса за ужином дважды проверила сообщения и оба раза улыбнулась, а потом быстро перевернула телефон экраном вниз, когда бабушка спросила, с кем она переписывается.

— У тебя мальчик появился, — сказала Лида, открывая глаза. — Не с твоего факультета. Постарше. Может, на год или на два. Ты с ним недавно познакомилась, может, месяц назад, не больше. И ты бабушке про него еще не рассказала, потому что она начнет спрашивать, кто родители и где он будет жить после учебы.

Алиса покраснела до самых ушей.

— Это тебе бабушка сказала!

— Бабушка ничего не знает, ты же сама от нее прячешься.

— Ну… это… — Алиса забрала телефон и сунула его в карман. — Это ты просто видела, как я переписываюсь.

— Видела, — легко согласилась Лида. — А про то, что он старше? А про месяц?

— Ну угадала. Пятьдесят на пятьдесят.

— Хорошо, пусть будет пятьдесят на пятьдесят. А как его зовут, сказать?

— Ну и как? — с вызовом спросила Алиса.

Лида снова закрыла глаза. Вот тут уже никакой статистики не было. Она просто сидела и ждала, как учила ее Никифоровна, — не глазами, а нутром. Сначала была пустота, по-

том почему-то вспомнилось море, Геленджик, санаторий, а потом — это было совсем странно — в голове прозвучал голос бабы Маши, такой ворчливый, привычный: «Ну и имечко, прости господи, как у генерала».

— Что-то военное, — медленно сказала Лида. — Генеральское. Не Максим, нет… Тимур? Нет. Глеб? Не то… Арсений? Нет. Ярослав. Слава.

Алиса смотрела на нее круглыми глазами.

— Мам, ты что, в мой телефон залезла?

— Я его даже не разблокировала, ты сама видела.

— Значит, в соцсетях посмотрела! У меня там в друзьях… — Алиса осеклась и полезла в телефон проверять. — Нет, у меня его в друзьях нет. Мы только в мессенджере… Мам, ну как?

Лида и сама не знала как. Внутри у нее все дрожало, но она постаралась улыбнуться спокойно и даже немного загадочно.

— Ведьма я теперь, — сказала она. — Меня в деревне посвятили. Так что ты со мной поосторожней.

В этот момент вошла мама с чайником и подозрительно посмотрела на обеих.

— Чего это вы такие таинственные? Опять бабушке кости моете?

— Бабушка, — сказала Алиса каким-то не своим голосом, — мама меня пугает.

— Это она умеет, — кивнула Екатерина Сергеевна, раз-

ливая чай. — Она и меня всю жизнь пугает. То с работы уйдет, то в деревню к ведьмам уедет, то в телевизор полезет. Ешьте вот пирог лучше, я с капустой испекла.

Позже, когда все легли спать, Алиса пришла в комнату к Лиде, легла рядом, как в детстве, и долго молчала.

— Мам, — сказала она наконец. — А ты правда ничего не подсмотрела?

— Правда.

— А тебе не страшно?

Лида подумала.

— Страшно, — честно сказала она. — Иногда очень. Но интересно тоже. Знаешь, я семнадцать лет прожила, как будто по рельсам ехала. Утром работа, вечером работа, ты, бабушка, ужин, сериал, сон. И так по кругу. А сейчас как будто с рельсов сошла и еду по полю, и не знаю, куда приеду. Вот это страшно. Но и хорошо.

— Ты только не сходи с ума там, ладно? — Алиса прижалась к ее плечу. — А то я видела этих экстрасенсов по телевизору. Они там все такие… ну… с прибабахом.

— Я постараюсь остаться без прибабаха.

— И еще, — Алиса приподнялась на локте, и в темноте Лида увидела, как блеснули ее глаза. — Его правда зовут Ярослав. Он с юридического, на третьем курсе. Только бабушке не говори.

— Не скажу. Если он тебя обидит, я на него порчу наведу.

— Мам!

— Шучу. Спи.

Алиса уснула почти сразу, а Лида долго смотрела в потолок, на котором отражался свет фонаря с улицы. Генеральское имя. Голос бабы Маши. Было ли это на самом деле, или она просто угадала, как угадывают все гадалки на свете? Она не знала. И, наверное, никогда не узнает наверняка. Но в одном Лида была уверена: что-то в ней действительно изменилось после той деревни. Как будто внутри открылась маленькая дверца, через которую иногда задувал ветер из другого мира.

* * *

В субботу Алиса взялась за мамин образ.

— Мам, ты понимаешь, что это телевидение? — говорила она, раскладывая на диване вещи из Лидиного шкафа. — Там все будут в балахонах, с черепами, с какими-нибудь посохами. А ты придешь в чем? В этом? — Она подняла двумя пальцами серую толстовку с капюшоном. — Тебя же никто не заметит.

— Меня на кастинге заметили и в толстовке.

— На кастинге тебя заметил ведущий. А миллионы зрителей должны заметить сразу, с первой секунды. Это же как реклама. Ты же сама меня учила: у тебя три секунды, чтобы зацепить человека, иначе он пролистает дальше.

Лида не могла не признать, что дочь права. Сколько раз она сама объясняла клиентам, что первое впечатление решает все, что баннер должен быть ярким и понятным, а заголо-

вок — цепляющим. Но одно дело продавать окна или стоматологию, а другое — продавать саму себя.

Алиса открыла на ноутбуке маркетплейс и начала показывать варианты. Черные платья в пол с кружевными рукавами. Бархатные плащи с капюшонами. Ожерелья из клыков непонятного происхождения. Шляпы с широкими полями, как у ведьм из мультфильмов. Хрустальные шары с подсветкой. Колоды карт с позолотой. Сушеные лапки, перья, свечи в форме черепов.

— Вот это, смотри, — Алиса ткнула в экран, где стройная модель позировала в длинном черном платье с разрезом. — «Платье ведьмы, готический стиль, размер с сорок второго по пятьдесят второй». Тебе пойдет.

— Алиса, мне тридцать шесть лет. Я не буду ходить в платье с разрезом до пупа по болотам в резиновых сапогах.

— Ну тогда вот это. — На экране появился бордовый плащ с золотой вышивкой. — Солидно. Как у потомственной колдуньи.

Лида посмотрела на плащ, потом на дочь, потом на маму, которая сидела в кресле с вязанием и делала вид, что не слушает.

— Мам, а ты что скажешь?

— Я скажу, — Екатерина Сергеевна не поднимала глаз от спиц, — что если ты в этом плаще выйдешь, у меня вся школа со смеху помрет. Будь собой. Ты обычная женщина, вот и иди обычной женщиной. Пусть они там все в плащах

парятся, а ты в джинсах. Зато честно.

— Бабушка, это же неинтересно!

— А тебе неинтересно, а людям интересно. Людям надоели эти ряженые. Я вот смотрю это шоу и думаю: ну кто в наше время так ходит? Кто? Вот если бы ко мне пришла женщина в плаще и сказала, что она ведьма, я бы ей не поверила. А если бы пришла обычная, в джинсах, и рассказала мне про меня все, я бы испугалась. Понимаешь разницу?

Алиса задумалась. Лида тоже. В словах мамы было что-то очень правильное, что-то из той самой деревенской мудрости, которой учили ее старушки.

— Хорошо, — сказала Лида наконец. — Джинсы и футболка. Но что-то должно быть. Какая-то деталь. Что-то, по чему меня запомнят.

Екатерина Сергеевна отложила вязание, встала и вышла из комнаты. Вернулась она через несколько минут с большим шерстяным платком в руках. Платок был старый, темно-вишневый, с крупными цветами по краям — розами и еще какими-то незнакомыми цветами, выцветшими от времени, но все еще нарядными. По краю шла длинная бахрома.

— Бабушкин, — сказала мама. — Твоей бабушки, моей мамы. Она в нем в церковь ходила по праздникам. И к соседям, когда на чай звали. Я его все хранила, думала, может, Алисе пригодится на свадьбу или куда. Возьми.

Лида взяла платок в руки. Он пах нафталином и еще чем-то очень далеким, и родным — печкой, сушеными яблоками,

детством. Она накинула его на плечи и подошла к зеркалу. Из зеркала на нее смотрела молодая еще женщина с темными волосами, в простой белой футболке и джинсах, а на плечах у нее лежал старинный платок, и от этого вся она вдруг стала какой-то другой — то ли деревенской, то ли сказочной.

— Ого, — сказала Алиса. — Мам, это прям то, что надо.

— Конечно то, — проворчала Екатерина Сергеевна, снова садясь за вязание. — Я плохого не посоветую. Только смотри не потеряй там. Это память.

* * *

Вечером Лида собирала сумку. Джинсы — две пары. Футболки — пять штук, белые и черные. Теплый свитер. Куртка. Резиновые сапоги, которые пришлось купить в магазине у рынка, — зеленые, с веселыми желтыми полосками, других не было. Бабушкин платок она аккуратно свернула и положила сверху.

Потом достала из ящика стола маленький холщовый мешочек, который привезла из Лесной. В нем лежала сухая полынь, которую дала ей Никифоровна в первый день обучения. Лида поднесла мешочек к лицу и вдохнула горьковатый, чуть пыльный запах. И сразу перед глазами встала изба, печка, стол с пучками трав, баба Маша, которая хохочет над картами, и Никифоровна, которая смотрит на нее своими маленькими цепкими глазами, как будто видит насквозь.

Рядом с мешочком лежал лоскут. Тот самый, с обережным узором, который она взяла у камня на кладбище ведьм.

Лида так и не решилась рассказать старушкам, что забрала его. Сначала боялась, что они рассердятся, а потом просто не нашлось подходящего момента. Лоскут был небольшой, размером с ладонь, из грубого льна, и на нем красными нитками была вышита какая-то фигура — то ли дерево, то ли женщина с поднятыми руками. Нитки выцвели, но узор читался четко.

Лида положила лоскут в маленький кармашек джинсов, тот, что над правым карманом и в который никто никогда ничего не кладет. Пусть будет при ней. Всегда.

Потом она взяла телефон и вышла на балкон. Связь в Лесной ловила плохо, и Лида знала, что дозвониться получится не с первого раза. Так и вышло: сначала механический голос сообщил, что абонент недоступен, потом были длинные гудки в никуда, потом сразу короткие. Только с четвертой попытки в трубке что-то зашуршало, затрещало, и откуда-то издалека, будто с другой планеты, донесся голос бабы Маши:

— Але! Але! Кто это? Говорите громче!

— Баб Маша, это я, Лида!

— Кто? Лидка? Лидочка! Ты где? Тебя не слышно совсем! Подожди, я к окошку подойду!

В трубке что-то загремело, послышалось кряхтение, потом стук, как будто баба Маша уронила табуретку, и затем голос стал немного четче:

— Ну вот, теперь лучше. Я на подоконник залезла. Если упаду, ты виновата будешь. Ну рассказывай, когда едешь?

— Через три дня, баб Маша. В понедельник утром уже в Москве надо быть.

— Ох ты ж. Ну ничего, ничего. Ты там главное не робей. Ты у нас девка крепкая, и дрова колола, и огород копала, и ведьмину ночь пережила. Что тебе какие-то московские колдуны? Они там все на кофе да на таблетках, а ты на чаге выросла. Ты чагу-то пьешь, как я велела?

— Пью, — соврала Лида. Чага, которую дала ей с собой баба Маша, кончилась еще в июле.

— Врешь, — тут же сказала баба Маша. — Я по голосу слышу, что врешь. Ну ладно, на месте нарвешь, там в Москве тоже березы растут. Ты слушай, что я тебе скажу. Ты там не выпендривайся. Не надо этих фокусов, как у них. Свечки, черепа, бубны. Это все для дураков. Ты будь как есть. Людей слушай. Землю слушай. Воду слушай. Помнишь, чему мы тебя учили?

— Помню, баб Маша.

— Вот. И еще. Если кто к тебе с плохим подойдет, ты не огрызайся сразу. Ты сначала посмотри. Плохой человек он сам себя выдает, ему только не мешать надо. А если совсем худо станет, звони. Мы с Никифоровной хоть по телефону, а поможем. Подожди, вот она тут рвется трубку взять, сейчас передам. Да на, на, держи, только не урони, это ж телефон, а не полено!

В трубке снова загремело, и Лида услышала голос Никифоровны — тихий, чуть скрипучий, но очень отчетливый,

будто старушка стояла совсем рядом:

— Лида.

— Здравствуйте, Вера Никифоровна.

— Здравствуй. Слушай меня внимательно, связь сейчас пропадет. Смотри там не глазами, а нутром. Глаза обмануть можно, а нутро не обманешь. И людей там больше слушай, чем духов. Духи — они подождут, им торопиться некуда. А люди все сами скажут, только не мешай им. Поняла?

— Поняла.

— И еще…

Но что еще, Лида так и не узнала. В трубке опять затрещало, зашипело, а потом связь оборвалась, и на экране высветилось: «Вызов завершен». Лида попробовала перезвонить, но снова услышала про недоступного абонента. Она постояла еще немного на балконе, глядя на огни соседних домов, на машины, проезжающие по улице, на редких прохожих. Город жил своей жизнью и ничего не знал ни о деревне Лесной, ни о двух старушках, которые сейчас, наверное, слезают с подоконника и ворчат друг на друга из-за того, что связь опять пропала.

«И людей там больше слушай, чем духов», — повторила про себя Лида и пошла спать.

* * *

Ночью ей приснилось кладбище.

Тот же туман, те же покосившиеся кресты, та же сырая тропа, ведущая к краю, где за земляным валом стояли три

безымянных камня. Только в этот раз Лида была одна. Старушек рядом не было, и она шла сама, медленно, раздвигая руками высокую мокрую траву, которая цеплялась за ноги. Она знала, куда идет и что увидит, и ей очень не хотелось туда идти, но ноги сами несли ее вперед.

Камни стояли на своих местах. А рядом с ними — два свежих холмика. Рыжая глина, еще не осевшая, комья земли, на которых блестела роса. Два креста из светлого, только что обструганного дерева. И на каждом — табличка с одной датой. Восемнадцатое декабря.

Во сне Лида подошла ближе и наклонилась, чтобы прочитать имена. Но имена расплывались, буквы плясали и никак не хотели складываться в слова. Только дата была четкой, будто выжженной. Лида протянула руку, чтобы дотронуться до таблички, и вдруг почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной. Кто-то большой, теплый, пахнущий дымом и чем-то травяным, летним. Она хотела обернуться, но вспомнила, что оборачиваться нельзя, — так учили старушки, когда она говорила с отцом.

— Кто здесь? — спросила она во сне.

Никто не ответил. Только теплое дыхание коснулось ее шеи, и где-то вдалеке, очень далеко, завыла собака.

Лида проснулась в поту. Сердце колотилось так, что было слышно в ушах. В комнате было темно и тихо, только на кухне мерно капал кран, который так и не починил сантехник. Она посмотрела на часы — без четверти четыре. Самое глу-

хое время. Время, когда, как говорила баба Маша, «граница тоньше всего».

Лида села на кровати, обхватила колени руками и долго сидела так, глядя в темноту. Потом сказала сама себе вслух, тихо, чтобы не разбудить маму:

— Хватит. Я подумаю об этом потом. После шоу. Сейчас не время.

И сама удивилась, как твердо это прозвучало. Будто не она сказала, а кто-то другой, старший и уверенный. Она легла обратно, натянула одеяло до подбородка и, как ни странно, уснула почти сразу — крепко, без снов, до самого утра.

* * *

Провожали Лиду всем семейством. Алиса специально отпросилась с пары в понедельник и осталась еще на одну ночь, а мама взяла отгул, чего не делала, наверное, лет десять. На вокзал поехали на такси, хотя Лида уверяла, что прекрасно доберется сама.

— Еще чего, — отрезала Екатерина Сергеевна. — Дочь в телевизор едет, а мать дома сидеть будет? Соседи что скажут?

— Соседи ничего не знают, мам.

— Уже знают. Я Валентине Ивановне с третьего этажа сказала, а она всему подъезду разнесет к обеду.

— Мама! Там же подписка будет о неразглашении!

— Так я не разглашала. Я просто сказала, что ты едешь в Москву по делам. А какие дела, это Валентина Ивановна

сама догадается. У нее телевизор с утра до ночи работает, она все шоу знает наизусть.

На перроне было людно. Поезд уже стоял, проводница в синей форме проверяла билеты, кто-то ругался из-за места, кто-то тащил огромные клетчатые сумки. Мама сунула Лиде в руки пакет с едой — вареные яйца, курица в фольге, огурцы, пирожки с капустой, — хотя ехать было всего несколько часов.

— Мам, ну куда столько?

— Возьми, возьми. Вдруг там кормить не будут. Знаю я эти шоу. Будут вас там по лесам таскать голодными, а потом удивляться, почему экстрасенсы ничего не видят. На голодный желудок и я бы ничего не увидела.

Алиса обняла маму крепко-крепко и шепнула на ухо:

— Мам, ты там их всех порви. И Славе я про тебя рассказала. Он сказал, что будет смотреть.

— Ты рассказала Славе про меня раньше, чем бабушке про Славу?

— Ну мам!

Поезд тронулся. Лида стояла у окна и махала, пока две фигуры на перроне — маленькая, в мамином бежевом пальто, и длинная, тонкая, в Алисиной ярко-желтой куртке — не превратились в точки и не исчезли за поворотом.

Всю дорогу она смотрела в окно. Мелькали поля, уже начинавшие желтеть, перелески, речки, переезды с полосатыми шлагбаумами, на которых стояли машины и терпеливо

ждали, пока пройдет поезд. В соседнем купе громко разговаривали двое мужчин — один все рассказывал про рыбалку, другой поддакивал и иногда смеялся. Лида достала из пакета пирожок с капустой и съела его, глядя на проплывающий мимо пейзаж. Пирожок был мамин — пухлый, мягкий, с хрустящей корочкой. Лида подумала, что вот так, наверное, и выглядит счастье: ехать куда-то навстречу неизвестному и есть мамин пирожок.

* * *

Гостиница, куда поселили участников шоу, находилась на окраине Москвы, недалеко от кольцевой. Это было высокое серое здание с зеркальными окнами и швейцаром у входа, который распахнул перед Лидой дверь с таким видом, будто она была как минимум министром. В холле пахло кофе и чем-то цветочным, на стенах висели абстрактные картины, а за стойкой регистрации сидели две девушки в одинаковых белых блузках.

Едва Лида назвала свою фамилию, как откуда-то сбоку вынырнула невысокая девушка с короткой светлой стрижкой и огромным планшетом в руках.

— Лидия Грей? Здравствуйте! Я Настя, ассистент продюсера. Я буду с вами все время, если что-то нужно, обращайтесь сразу ко мне. Вот ваш ключ, номер четыреста двенадцать, четвертый этаж. Через час общий сбор в конференц-зале на втором этаже, там будет Инна Владимировна, наш продюсер, она все расскажет. Договор вы получили на

почту? Распечатали? Не распечатали? Ничего, у меня есть, вот, держите, подпишете на сборе. И подписку о неразглашении тоже. Ой, и еще — у вас есть аллергия на что-нибудь? Мне нужно отметить в списке.

Настя говорила так быстро, что Лида едва успевала следить за ее словами. При этом девушка не переставала что-то тыкать пальцем в планшете, кивать кому-то через плечо Лиды и поправлять очки, которые все время сползали на кончик носа.

— Аллергии нет, — сказала Лида. — Разве что на лысых директоров.

Настя на секунду замерла, а потом прыснула от смеха.

— Я запишу, — серьезно сказала она, и тут же снова засмеялась. — Нет, правда. Вы первая, кто пошутил. Все остальные такие… загадочные. Один вообще со мной не разговаривает, только через своего секретаря. Ой, мне нельзя такое говорить. Забудьте. Четвертый этаж, лифт налево.

Номер оказался небольшим, но уютным. Широкая кровать, застеленная белым покрывалом, телевизор на стене, письменный стол, шкаф, маленький холодильник, ванная с белой плиткой. Окно выходило на шоссе, по которому нескончаемым потоком неслись машины. Лида бросила сумку на кровать, подошла к окну и долго смотрела на этот поток. Внизу кто-то сигналил, где-то выла сирена, над домами напротив висело низкое серое небо.

«Ну вот я и здесь, — подумала она. — Обратной дороги

нет».

* * *

Конференц-зал оказался длинной комнатой с овальным столом посередине и рядами стульев вдоль стен. Когда Лида вошла, там уже собралось человек десять. Она сразу почувствовала себя так, будто опоздала на костюмированную вечеринку, на которую забыла надеть костюм.

У окна, отвернувшись от всех, стоял высокий мужчина в черном бархатном пиджаке, черной рубашке и узких черных брюках. Длинные волосы с проседью были собраны в хвост, на пальце блестел массивный серебряный перстень с темным камнем, а в руке он держал трость с набалдашником в виде головы ворона. Рядом с ним суетился невысокий полноватый молодой человек в очках, который то подавал ему бутылку воды, то что-то шептал на ухо, то записывал в блокнот.

За столом сидела женщина лет сорока, вся в черном, с длинными прямыми волосами цвета воронова крыла и бледным, почти белым лицом. Губы у нее были накрашены темно-бордовой помадой, а глаза подведены так, что казались огромными и неподвижными. На шее висела серебряная цепь с каким-то кулоном. Она ни с кем не разговаривала и смотрела перед собой, будто в пустоту.

Чуть поодаль, у стены, на стуле сидел немолодой мужчина с широким смуглым лицом и узкими спокойными глазами. На нем был простой темно-синий свитер, а у ног стоял большой кожаный чехол — круглый, плоский, похожий на

чехол от барабана. Мужчина сидел совершенно неподвижно, положив руки на колени, и казалось, что он то ли дремлет, то ли медитирует.

Еще там была пожилая женщина в длинной юбке и платке, повязанном по-деревенски, с крестиком на груди и пучком свечей в руках. Был молодой человек в идеально сидящем сером костюме, гладко выбритый, с белоснежной улыбкой и таким безупречным пробором, что Лида невольно подумала о рекламе шампуня. Был крупный черноволосый мужчина в красной рубахе, расстегнутой на груди, с массивной золотой цепью и браслетами на обеих руках. Была худощавая дама в очках в тонкой оправе, с аккуратным седеющим каре, в строгом брючном костюме, которая что-то читала в толстом блокноте, исписанном мелкими значками. Была полная громкоголосая женщина с ярко-рыжими волосами и большими золотыми серьгами, которая уже успела рассказать кому-то по телефону, что «тут такие все чудные, Петя, ты бы видел». И был очень бледный худой мужчина неопределенного возраста с длинными тонкими пальцами, который держал в руках простой карандаш и стопку бумаги.

Лида замерла у двери, не зная, куда ей сесть. И тут за спиной раздался радостный возглас:

— Ведьма! Это же ты! Ведьма в джинсах!

Она обернулась. В дверях стоял тот самый парень с кастинга — «оборотень», который предлагал ей сбегать в лес. Сейчас на нем была не волчья шкура, а обычная толстовка

с изображением воющего на луну волка, но лохматая шевелюра и улыбка до ушей остались прежними.

— Ты меня помнишь? — Он схватил ее руку и затряс. — Гоша! Гоша Лисицын! Я тебе еще в лес предлагал! Ты тогда у виска покрутила. А я прошел! Представляешь? Я сам не верил! Они мне позвонили, а я думал, это мошенники, хотел трубку бросить!

— Помню, — улыбнулась Лида. Почему-то от этого шумного, нелепого парня ей сразу стало легче. — Поздравляю.

— И тебя поздравляю! Я сразу понял, что ты пройдешь. Я чую такие вещи. Волчьим нюхом. — Он смешно потянул носом воздух. — Тут вот от многих пахнет… ну… знаешь… одеколоном. А от тебя лесом.

— Это полынь, — сказала Лида, похлопав по карману, где лежал мешочек.

— Вот! Я же говорю! Лес!

Мужчина в бархатном пиджаке медленно обернулся и посмотрел на них. Взгляд у него был тяжелый, неприятный, сверху вниз. Он оглядел Лиду с головы до ног — джинсы, кроссовки, белую футболку, бабушкин платок на плечах — и чуть заметно усмехнулся уголком рта.

— Деревенская самодеятельность, — произнес он негромко, но так, чтобы слышали все. — Теперь и таких берут. Видимо, для контраста.

Полноватый молодой человек в очках хихикнул и тут же замолчал.

Лида почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Она уже открыла рот, чтобы ответить что-нибудь резкое, — с лысым директором она никогда не молчала, и мама не зря говорила, что она любит «подколоть». Но в голове вдруг всплыли слова бабы Маши: «Ты не огрызайся сразу. Ты сначала посмотри. Плохой человек он сам себя выдает, ему только не мешать надо».

И Лида промолчала. Только улыбнулась ему спокойно и чуть-чуть насмешливо, так, как улыбалась ей Никифоровна, когда Лида в очередной раз оставалась в дураках. Мужчина в бархате на секунду задержал на ней взгляд, будто ожидал другой реакции, а потом отвернулся к окну.

— Не обращай внимания, — шепнул Гоша. — Это Аристарх. Он тут с утра. Уже со всеми поругался. Говорит, что маг в седьмом колене. А этот, в очках, — его секретарь, Эдик. Аристарх сам ни с кем не разговаривает, только через Эдика.

— Так вот про кого Настя говорила, — пробормотала Лида.

— Садись к нам! — раздался звонкий голос.

За дальним концом стола махала рукой девушка лет двадцати пяти, смуглая, черноглазая, с длинными волосами, заплетенными в множество тонких косичек, в каждую из которых были вплетены цветные бусины. На ней было что-то яркое, многослойное, с бахромой и вышивкой, а на запястьях звенели десятки тонких браслетов. Перед ней на столе лежа-

ла колода карт таро в бархатном мешочке.

— Я Зарина, — представилась девушка, когда Лида села рядом. — Из Казани. Таролог. Ну и блогер еще немножко. А ты, я так поняла, ведьма?

— Наверное. Меня так назвали две бабушки в деревне.

— Ой, деревенская магия! Это так круто! — Зарина всплеснула руками, и браслеты зазвенели. — У меня бабушка тоже в деревне жила, под Казанью. Она травы собирала и всех лечила. Я маленькая с ней ходила. А потом в город переехала, и все — социальные сети, карты, блог. Но я все помню, что она мне рассказывала. Ты мне потом расскажешь про своих бабушек? Обещаешь?

— Обещаю, — улыбнулась Лида.

Ей сразу понравилась эта девушка. Шумная, яркая, немного наивная, но в ней было что-то очень живое и искреннее. Как в Алисе в ее лучшие минуты.

Дверь распахнулась, и в зал вошла высокая женщина в строгом темно-сером костюме, с короткой стильной стрижкой и холодными серыми глазами. За ней семенила Настя со своим планшетом, а следом вошел широкоплечий мужчина с камерой на плече — темноволосый, небритый, в потертой джинсовой куртке и кепке задом наперед.

— Добрый день, — сказала женщина, остановившись во главе стола. Голос у нее был ровный, негромкий, но такой, что все сразу замолчали. — Меня зовут Инна Владимировна Белова, я продюсер проекта. Поздравляю вас всех с тем, что

вы здесь. На кастинге было больше трех тысяч человек. Вас двенадцать. Это значит, что вы лучшие из тех, кто пришел. Но это не значит, что вы останетесь.

Она обвела всех взглядом. Задержалась на Аристархе, на женщине в черном, на шамане, на Лиде.

— Правила простые. Каждое испытание снимается без предупреждения. Где, когда и что вы будете делать — вы узнаете в последний момент. Телефоны перед каждым выездом сдаются. Общение с внешним миром во время съемок — только через меня или Настю. Любая попытка получить информацию о задании заранее — дисквалификация. Любая попытка подкупить сотрудников, водителей, местных жителей — дисквалификация. Любое разглашение информации о съемках до выхода эфира — штраф по договору, и поверьте, он очень большой.

Аристарх, стоящий у окна, слегка улыбнулся. Лида заметила, как Эдик что-то быстро записал в блокнот.

— Эфиры начнутся в октябре, — продолжала Инна. — По субботам. До этого времени вас никто не должен узнать. После — будут узнавать все. К этому тоже надо быть готовыми. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Все подписали договоры и подписки о неразглашении. Лида пробежала глазами по страницам договора — профессиональная привычка, — но там не было ничего неожиданного. Штрафы, обязательства, согласие на съемку и использование изображения. Призовой

фонд — десять миллионов рублей, выплачивается победителю после финального эфира, с удержанием налога в соответствии с законодательством.

«С удержанием налога, — подумала Лида. — Значит, на руки будет меньше. Надо будет бабушкам не забыть сказать, что пятьсот тысяч — это после налога. Или до?» — и сама над собой посмеялась. Еще ничего не выиграла, а уже делит.

Когда Инна ушла, к Лиде подошел оператор. Он снял кепку, пригладил растрепанные волосы и широко улыбнулся.

— Паша, — представился он. — Громов. Я тот, кто будет вас снимать с самых невыгодных ракурсов. Так что дружите со мной.

— Лида. А что будет, если не дружить?

— Тогда в эфир пойдет тот кадр, где вы чихаете. Или жуете. У меня таких кадров на каждого целая коллекция.

— Шантаж?

— Профессиональная этика, — серьезно ответил Паша и подмигнул. — Нет, правда, рад знакомству. Я вас на кастинге снимал, кстати. Когда вы с конвертом. У меня тогда мурашки пошли. Я сколько лет работаю на шоу, а мурашки — только второй раз.

— А первый раз когда был?

— Когда моя теща на съемочную площадку пришла, — расхохотался Паша. — Ладно, шучу. Увидимся на выезде.

Он снова надел кепку задом наперед и ушел, насвистывая. Зарина ткнула Лиду локтем в бок.

— Он на тебя запал, — громким шепотом сообщила она.

— Не говори глупостей. Он со всеми такой.

— Нет. Со мной он не такой. Я проверяла. — Зарина засмеялась. — Ладно, ладно. Но имей в виду. Карты не врут.

— Ты на него еще и карты раскладывала?

— А как же! Еще до того, как ты пришла.

Лида только покачала головой. Никакого Паши ей было не нужно. Ей вообще никого не было нужно. За последние годы она так привыкла жить одна, что даже перестала об этом думать. Мамины причитания про «мужика в доме» давно превратились в такой же привычный фон, как капающий кран на кухне. Лида просто не слышала их. Работа, Алиса, мама — вот и вся ее жизнь. А теперь еще и шоу.

* * *

Вечером, после ужина в гостиничном ресторане, где все участники сидели за разными столами, будто опасались заразиться чужой магией, Лида вернулась в номер. Было еще рано, но она чувствовала себя такой уставшей, будто весь день колола дрова в лесу за Лесной. Она приняла душ, надела пижаму, залезла под одеяло и включила телевизор. Шел какой-то старый фильм, который она смотрела еще в детстве с отцом. Она смотрела на экран и не видела ничего — в голове крутились лица. Аристарх с его тростью и надменной улыбкой. Женщина в черном, которая за весь вечер не сказала ни слова. Шаман, который так и просидел неподвижно до самого конца собрания, а когда все стали расходиться, вдруг

поднял глаза и посмотрел прямо на Лиду — спокойно и как-то очень внимательно, будто узнал ее.

Лида выключила телевизор и свет. Шоссе за окном гудело, но через двойные стеклопакеты звук доносился глухо, как шум моря. Она уже начала проваливаться в сон, когда услышала стук.

Тук. Тук-тук.

Стучали в стену. Не в дверь — в стену, ту, что примыкала к соседнему номеру. Негромко, но отчетливо. Лида открыла глаза и прислушалась.

Тук-тук. Тук.

Звук был какой-то знакомый. Тихий, деревянный, совсем не такой, каким стучат в бетонную стену гостиницы. Так стучало за печкой в избе у бабы Маши, когда Лида в первый раз поставила домовому блюдце с молоком.

Лида села на кровати. Сердце забилось быстрее, но страха не было. Было что-то другое — удивление и даже какая-то нежность.

— Ты что, за мной приехал? — шепотом спросила она в темноту. — Из Лесной?

Тишина. Потом — тук. Один раз, совсем тихо.

Лида встала, включила маленький светильник у кровати и открыла холодильник. Там стояли маленькие бутылочки воды, сок, шоколадка и — какое везение — крохотная упаковка сливок для кофе. Она взяла с подноса у чайника белое блюдце, вылила на него сливки, отломила кусочек от шо-

коладки, подумала и положила рядом еще печенье из гостиничного набора. Потом поставила блюдце на пол у батареи под окном — печки тут не было, а батарея была самым теплым местом в номере.

— Хозяюшко, — тихо сказала она, вспоминая слова бабы Маши, — прими угощенье. Будь мне тут помощником. Я тут одна, ничего не знаю, все чужие. Ты уж присмотри за мной.

Она постояла немного, глядя на блюдце, потом выключила свет и легла. Стук больше не повторялся. Лида лежала и слушала гул шоссе за окном, и ей почему-то было очень спокойно. Будто кто-то и правда присматривал.

«Глупости, — подумала она, засыпая. — Наверное, сосед за стенкой гвоздь забивал. Или трубы стучат. В таких гостиницах всегда трубы стучат».

Но утром, когда она проснулась, сливок на блюдце не было. Блюдце было чистым, будто его облизали. Печенье тоже исчезло. А шоколадка лежала на месте — нетронутая.

— Шоколад не любишь, значит, — пробормотала Лида, разглядывая блюдце. — Как баба Маша. Она тоже говорит, что это химия.

Она могла бы, наверное, найти этому объяснение. Горничная. Мыши. Сливки испарились. Но объяснять ничего не хотелось. Хотелось просто улыбнуться, что она и сделала.

В дверь постучали — на этот раз по-настоящему, в дверь, громко и требовательно.

— Лидия! — раздался из коридора голос Насти. — Ли-

дия, вы проснулись? Через час выезд! Телефоны сдать на ресепшене! Одевайтесь тепло и сапоги берите!

Лида посмотрела на часы. Было шесть утра. Совсем как в Лесной.

— Началось, — сказала она вслух и пошла умываться.

Глава 4. Испытание первое

Микроавтобус был белый, с тонированными окнами и надписью «Пассажирские перевозки» на боку, такой обычный, что ни один прохожий не обратил бы на него внимания. У гостиницы их стояло два. Участников разделили пополам, и Лиде досталось место во втором, рядом с Зариной, которая всю дорогу до стоянки зевала и жаловалась, что встать в шесть утра — это насилие над творческой личностью.

Телефоны пришлось сдать на ресепшене. Настя складывала их в специальные пронумерованные пакетики с застежкой и аккуратно записывала номера в свой планшет. Лида отдала свой с непривычным чувством — будто ей отрезали руку. Семнадцать лет телефон не выпускался из ее ладони дольше, чем на время сна, и то лежал рядом на тумбочке. Клиенты, отчеты, рекламные кабинеты, мама, Алиса. А теперь — пустой карман и странная легкость.

— Как в армии, — проворчал Гоша, отдавая свой телефон в чехле с волчьей мордой. — Сейчас еще и побреют налысо.

— Тебя не побреют, — успокоила его Зарина. — Ты тогда не будешь похож на оборотня.

— Я и так не похож. — Гоша грустно потрогал свою лохматую голову. — Мне вчера Аристарх сказал, что я похож на нестриженого пуделя.

— Это он от зависти. У него волосы редеют, видел? Он их

в хвост собирает, чтобы не было видно.

Лида фыркнула, но промолчала. Аристарх как раз проходил мимо, и Эдик нес за ним его трость и черную кожаную сумку. Маг даже не взглянул в их сторону.

Когда все расселись, в салон заглянула Настя и раздала каждому по черной плотной повязке на глаза.

— Надевайте, пожалуйста, — сказала она извиняющимся тоном. — Это правило. Вы не должны видеть, куда едете. Снимать нельзя до команды. Если кого-то укачивает, скажите, у меня есть таблетки и пакетики.

— Еще и глаза завязывают, — простонал Гоша. — Точно в армию.

— Или в плен, — сказала Зарина.

— Или на расстрел, — откликнулась с заднего сиденья рыжая женщина, Людмила, которая вчера громко рассказывала по телефону про «чудных». Она засмеялась так раскатисто, что микроавтобус, казалось, качнулся. — Ой, девоньки, ну и приключение! Мне мой Петя не поверит!

Лида надела повязку. Мир исчез. Остались звуки — шорох курток, кто-то кашлянул, Зарина звякнула браслетами, захлопнулась дверь, заурчал мотор. И запахи — бензин, дешевый освежитель воздуха в виде елочки, чей-то сладкий парфюм, кофе из термоса. Микроавтобус тронулся.

Сначала Лида пыталась следить за дорогой. Поворот направо, долгое прямое движение, снова поворот, остановка — наверное, светофор. Но очень скоро она запуталась. Поворо-

ты сливались в один, светофоры кончились, и микроавтобус долго и мерно ехал куда-то по ровной трассе. Зарина рядом сначала болтала, потом затихла, и Лида услышала ее ровное сонное дыхание.

Лида тоже прикрыла глаза под повязкой, хотя это и было смешно — прикрывать и без того закрытые глаза. И попыталась сделать то, чему учила ее Никифоровна. Не думать. Не гадать. Не представлять. Просто слушать.

Слушать было почти нечего — мотор, шуршание шин, чье-то посапывание. Но через какое-то время Лида почувствовала, что за окном вдруг стало как-то иначе. Будто воздух изменился. Она не могла это объяснить — просто по коже пробежала легкая волна, как бывает, когда из душной комнаты выходишь на улицу. Город кончился. Начался лес.

«Как в Лесной», — подумала она. И сразу вспомнила дорогу туда, узкую, через самый настоящий лес, ветки, которые царапали машину Сергея, будто не хотели пускать.

Микроавтобус свернул, его затрясло на неровной дороге, потом снова пошел ровно, а потом остановился. Мотор затих.

— Приехали, — раздался голос Насти. — Повязки пока не снимайте. Сейчас я вас по одному выведу. Держитесь за мою руку.

* * *

Лиду вывели третьей. Она ступила на землю — под ногами захрустел гравий. Пахло мокрой травой, бензином, ма-

шинным маслом и еще чем-то металлическим, ржавым. Было прохладно, ветер трепал волосы. Где-то совсем рядом каркала ворона.

Ее поставили в ряд с другими. Слева кто-то тяжело дышал — судя по запаху одеколона и звяканью браслетов, это был Рустам, маг огня. Справа стоял кто-то очень тихий, и Лида сначала даже не поняла, есть ли там кто-нибудь. Потом уловила легкий запах дыма и кожи. Шаман. Айдар — так его, кажется, звали.

— Можете снять повязки, — прозвучал знакомый голос. Бархатистый, чуть насмешливый, тот самый, который Лида слышала по телевизору сотни раз.

Она стянула повязку и зажмурилась от света. Небо было серым, но после темноты даже этот тусклый свет резал глаза. Когда зрение вернулось, Лида увидела, что стоит на краю большой асфальтированной площадки, огороженной бетонным забором с колючей проволокой поверху. Посреди площадки стоял огромный ангар из ржавого рифленого железа, с распахнутыми воротами. А перед ангаром — машины. Много машин. Старые и не очень, легковушки, пара микроавтобусов, грузовая «газель», какой-то древний джип, несколько седанов, хэтчбеков, универсал. Все они стояли в два ряда, бок о бок, с закрытыми дверями и темными стеклами.

Перед ними, заложив руки за спину, стоял ведущий. Дмитрий Ланской. В жизни он оказался чуть ниже, чем по телевизору, и чуть старше — в коротко стриженных волосах

поблескивала седина, особенно на висках, и вокруг глаз лучились морщинки. Но улыбка была та же — легкая, ироничная, будто он знал какую-то шутку, которую еще никому не рассказал. На нем было длинное темное пальто, на шее — серый шарф. За его спиной стояли три камеры, у одной из которых Лида узнала Пашу в его неизменной кепке задом наперед.

Чуть поодаль, у складного столика, стоял еще один человек — сухой, подтянутый мужчина лет под шестьдесят, в сером плаще, с коротким ежиком седых волос и тонкими губами, сжатыми в прямую линию. Он ничего не говорил, только смотрел на участников внимательным, цепким взглядом, будто снимал с каждого мерку.

— Доброе утро, дорогие экстрасенсы, — начал Ланской. — Вернее, доброе утро всем, кроме нашего первого испытания, потому что для кого-то оно станет последним. Перед вами двадцать автомобилей. В одном из них прячется человек. Живой, здоровый, просто очень хорошо спрятанный. Ваша задача — найти, в какой именно машине он находится. А потом, если найдете, рассказать нам о нем все, что сможете. Кто он, чем живет, что у него на душе.

Он сделал паузу и повернулся к сухому мужчине в плаще.

— Позвольте также представить человека, который будет следить за честностью наших испытаний. Вадим Петрович Корнеев. Тридцать лет в следствии, полковник юстиции в отставке. Человек, который не верит ни во что, кроме фактов.

Вадим Петрович, вам слово.

Корнеев сделал шаг вперед и оглядел их всех снова.

— Здравствуйте, — сказал он сухим, будто наждачным голосом. — Я буду краток. За свою жизнь я видел много людей, которые утверждали, что знают больше, чем могут знать. Большинство из них оказались мошенниками. Некоторые — просто очень внимательными людьми. Двое или трое — я до сих пор не знаю, кем. Моя задача — понять, кто из вас кто. Не обижайтесь. Ничего личного.

Аристарх, стоящий в начале ряда, демонстративно поправил перстень на пальце и громко сказал:

— Я потомственный маг в седьмом колене. Мне нечего бояться проверки.

— Это хорошо, — невозмутимо ответил Корнеев. — Значит, нам будет легко работать.

Ланской улыбнулся одними глазами.

— Ну что ж. У каждого из вас будет по пятнадцать минут. Начинаем с Рустама Агаева. Остальных прошу пройти в микроавтобус и ждать своей очереди. Подглядывать нельзя — окна заклеены.

* * *

Ожидание оказалось самым тяжелым. Окна микроавтобуса действительно были заклеены изнутри плотной черной пленкой, и участники сидели в полумраке, слушая, как снаружи хлопают двери машин, кто-то что-то кричит, кто-то смеется. Раз донесся запах дыма — Рустам, видимо, что-то

поджигал.

— Огонь показывает путь, — с важным видом пояснил Гоша, хотя его никто не спрашивал. — Я по телевизору видел, они так делают. Поджигают перо и смотрят, куда дым пойдет.

— А если ветер? — спросила Зарина.

— Ну… значит, человек там, куда ветер дует.

— Гениально, — пробормотала женщина в черном. Это было первое слово, которое Лида от нее услышала. Голос у нее оказался низкий, хрипловатый, с какой-то питерской растяжкой. Ее звали Ольга, но все уже знали, что она называет себя Мораной, в честь славянской богини смерти и зимы.

Рустам вернулся через пятнадцать минут — злой, красный, с темным пятном сажи на рубашке. Он плюхнулся на сиденье, звякнул браслетами и пробурчал что-то себе под нос. По тому, как он избегал смотреть на остальных, было понятно, что дела у него не очень.

Потом позвали Аристарха. Его не было дольше — наверное, минут двадцать. Вернулся он невозмутимым, и Эдик тут же подал ему бутылку воды.

— Ну что? — не выдержал Гоша. — Нашли?

Аристарх смерил его взглядом.

— Я никогда не делюсь информацией до окончания испытания. Это вопрос профессиональной этики.

— А, ну понятно, — сказал Гоша. — Значит, не нашли.

Зарина прыснула в ладонь. Аристарх побледнел от злости,

но ничего не ответил.

Потом ушла Морана, потом матушка Серафима с пучком свечей, потом Кирилл в своем безупречном костюме. Время тянулось медленно, Лида сидела в темноте и пыталась успокоиться. В голове крутились мысли, одна другой тревожнее. А вдруг она ничего не почувствует? А вдруг все, что было в деревне, — просто самовнушение, игра воображения? А вдруг на кастинге ей просто повезло? Мама ведь так и говорила: «Если и пройдешь какие-то задания, то тебя все равно уберут, потому что ты на их фоне скучная будешь».

Лида сунула руку в маленький кармашек джинсов и нащупала лоскут. Ткань была грубая и теплая. Она провела пальцем по выпуклой вышивке, по узору, похожему то ли на дерево, то ли на женщину с поднятыми руками. И почему-то вспомнилась Никифоровна в огороде: «Вот как этот жучок зиму пережил, если мороз был минус двадцать пять, а он вон вылез жив-здоров и летает по огороду. Вот в этом тоже магия. В преодолении».

Шаман Айдар, сидевший напротив, вдруг открыл глаза — он, кажется, все это время дремал — и посмотрел на ее руку в кармане. Потом на ее лицо. И чуть заметно кивнул, как будто одобряя.

Лида не знала, что ответить, и тоже кивнула. Айдар снова закрыл глаза.

Его вызвали следующим. Он поднялся, взял свой круглый кожаный чехол и вышел. Через минуту снаружи донесся звук

— низкий, глухой, ритмичный. Бубен. Он гудел мерно и тяжело, как огромное сердце, и от этого звука у Лиды по спине побежали мурашки. Бум. Бум. Бум. Потом ритм ускорился, стал дробным, частым, и к нему добавился какой-то гортанный, вибрирующий звук — Айдар пел, но не словами, а горлом, так, что казалось, будто поют одновременно два человека. Все в микроавтобусе притихли. Даже Аристарх перестал постукивать пальцами по набалдашнику трости.

Потом бубен смолк. А еще через несколько минут Айдар вернулся, сел на свое место, положил чехол у ног и снова закрыл глаза. Лицо у него было совершенно спокойное.

— Лидия Грей, — заглянула в салон Настя. — Ваша очередь.

* * *

Когда Лида вышла, ей показалось, что площадка стала еще больше. Двадцать машин стояли, молчаливые и одинаковые, отражая серое небо темными стеклами. Ланской ждал ее у начала ряда, Паша с камерой стоял чуть поодаль, а Корнеев, скрестив руки на груди, прислонился к своему складному столику.

— Лидия, — сказал ведущий, — у вас пятнадцать минут. Время пошло.

Лида кивнула и сделала несколько шагов вперед. Остановилась. Огляделась. Двадцать машин. Двадцать дверей, двадцать багажников, бесчисленное количество мест, где может спрятаться человек. Она чувствовала на себе взгляд камеры,

и от этого становилось еще хуже — будто она стоит голая на площади, а вся страна смотрит на нее и ждет, когда она опозорится.

«Не глазами, а нутром», — вспомнила она.

Лида закрыла глаза. Глубоко вдохнула. Выдохнула. Еще раз. Ветер дул ей в лицо, холодный, с запахом мокрой травы и ржавчины. Где-то каркала ворона. Шуршал гравий под чьими-то ногами — наверное, Паша переступил с ноги на ногу. Она старалась ни о чем не думать, просто стоять и слушать. Но ничего не приходило. Ни голоса, ни образа, ни тепла, ни холода. Пустота.

Прошла минута. Может, две. Лида открыла глаза. Паника подкатила к горлу горячей волной.

«Ничего. Я ничего не чувствую. Я просто тетка из провинции, которая решила поиграть в ведьму».

И тут, словно в ответ на эту мысль, в голове прозвучал голос Никифоровны — тот самый, тихий и скрипучий, из первого вечера в деревне: «Вот увидела человека в толпе, постарайся о нем что-то рассказать. Это простые вещи, но их надо сразу подмечать. Память и внимание — вот что ты должна тренировать постоянно».

Лида моргнула. А потом посмотрела на площадку уже другими глазами. Не глазами ведьмы, которая ищет невидимые нити, а глазами женщины, которая семнадцать лет анализировала поведение людей на сайтах. Куда они нажимают. Где задерживаются. Откуда уходят. Это ведь то же самое, ес-

ли подумать. Люди везде оставляют следы.

Она медленно пошла вдоль первого ряда машин. Посмотрела на гравий под колесами. Было видно, где ходили другие участники — их следы перемешались, затоптали все вокруг. Около одной машины, синей старенькой иномарки, на гравии темнело пятно сажи и валялся обгоревший обрывок пера — Рустам. Около другой — белого седана — кто-то положил на капот веточку. Морана? Около «газели» на земле были капли воска — это, наверное, матушка Серафима.

Но Лиду интересовало не это. Она искала, где земля была потревожена раньше. До того, как сюда пришли участники. Тот, кто прятал человека, должен был подойти к машине, открыть ее, помочь человеку залезть, закрыть. Это следы. Только их уже затоптали.

Лида дошла до конца первого ряда и повернула ко второму. И тут ее внимание привлекло движение у ангара.

У распахнутых ворот, в тени, сидел кот. Большой, серый, полосатый, с рваным ухом — явно местный, живущий при этом ангаре на правах хозяина. Он сидел совершенно неподвижно и смотрел. Не на Лиду, не на камеру. Он смотрел на одну из машин во втором ряду — темно-зеленый универсал с помятым крылом. Смотрел так пристально, как коты смотрят на мышиную нору.

Лида вспомнила кота в Лесной. Упитанного, наглого, который жил в заброшенном доме, хотя бабушки уверяли, что никаких котов в деревне нет. Вспомнила, как он посмотрел

на нее через забор и скрылся. И ей вдруг стало смешно и тепло. Коты, они ведь все знают. Баба Маша как-то говорила, что кошка видит то, что человеку не видно, — и духов, и домовых, и всякую нечисть. А уж живого человека, спрятанного в машине, кошка почует за версту. От человека пахнет едой. Человек шевелится. Человек дышит.

Она не пошла к универсалу сразу. Нельзя было торопиться. Сначала она прошла вдоль второго ряда, останавливаясь у каждой машины, прикладывая ладонь к холодному металлу, иногда закрывая глаза. Паша шел за ней с камерой, и она слышала его тихое дыхание за спиной. Она дошла до серебристого джипа, потом до черного седана, потом до красной малолитражки, и около каждой стояла по несколько секунд.

А потом она подошла к темно-зеленому универсалу.

Первое, что она заметила, — гравий у задней двери был чуть-чуть другим. Мелкие камешки были сдвинуты, примяты, а сбоку от колеса лежал окурок. Совсем свежий, белый, не размокший от утренней росы. Лида присела на корточки и посмотрела на окурок, не трогая его. Фильтр был сплющен, будто кто-то сильно сжимал его зубами, когда нервничал. И никто из участников, насколько она знала, не курил. Аристарх бы не стал — это не вписывалось в его образ. Морана? Возможно, но она бы не бросила окурок на землю — слишком аккуратная.

Лида выпрямилась и положила ладонь на холодное стекло задней двери. Стекла были тонированы так сильно, что ни-

чего не было видно. Но ей и не нужно было видеть.

Она достала из кармана мешочек с полынью и сжала его в кулаке. Потом зажмурилась и прошептала про себя заговор — тот, что учили ее бабушки у колодца, про воду и ясность мысли. Только слова немного изменила, потому что воды тут не было:

«Сила травяная, сила земляная,

Покажи, что спрятано, открой, что затаено».

И тут, впервые за все утро, она почувствовала. Не увидела, не услышала — почувствовала. Тепло. Не от металла — металл был холодный, — а откуда-то изнутри, сквозь стекло, сквозь обшивку, сквозь все. Как тепло от печки, которое чувствуешь спиной, даже не оборачиваясь. И еще — тоска. Глухая, тяжелая, застарелая тоска, которая сочилась из машины, как дым из-под двери.

Кот у ангара коротко мяукнул и ушел в темноту.

Лида открыла глаза и повернулась к Ланскому.

— Здесь, — сказала она. — Он в этой машине. В багажнике, наверное, или на заднем сиденье, под чем-то. Но он здесь.

Ланской приподнял брови.

— Вы уверены?

— Уверена.

— Почему именно эта машина?

Лида замялась. Рассказывать про кота и окурок было почему-то неловко — казалось, это развеет всю магию, пре-

вратит ее в обычную наблюдательную тетку, как ей уже пообещал Корнеев. Но ведь и врать она не хотела. Никифоровна говорила: «Ты не выдумывай, ты что есть говори». Лида вздохнула.

— Кот, — сказала она. — Там у ангара кот сидел и смотрел на эту машину, не отрываясь. Кошки чувствуют живых. И еще окурок у колеса, свежий. А еще, — она снова положила руку на стекло, — тепло. Отсюда идет тепло. И грусть какая-то. Очень много грусти.

Корнеев, до этого стоявший неподвижно, вдруг хмыкнул. Не насмешливо — скорее удивленно.

— Кот, — повторил он. — Ну надо же. Двадцать лет назад у меня был случай: задержанного нашли по собаке, которая лаяла на погреб. Вся оперативная группа мимо прошла, а собака нашла.

— Так вы мне верите? — спросила Лида.

— Я верю в кота, — сухо ответил Корнеев. — Насчет тепла и грусти пока воздержусь.

Ланской улыбнулся.

— Тогда вторая часть задания. Не открывая машину, расскажите нам о человеке, который там находится.

* * *

Лида снова положила обе ладони на холодное стекло. Теперь, когда первый шаг был сделан, стало легче. Страх отступил, и внутри появилось что-то похожее на азарт — тот самый, который она чувствовала на работе, когда сложная

рекламная кампания наконец начинала приносить результат.

Она снова закрыла глаза и попыталась увидеть того, кто был внутри. Сначала ничего. Потом, как в тумане, — руки. Крупные, мужские, с короткими толстыми пальцами, с въевшейся в кожу темнотой — то ли машинное масло, то ли земля. Ногти обломанные. На безымянном пальце — светлая полоска незагорелой кожи. Кольца нет, а след остался.

— Мужчина, — сказала Лида медленно. — Не молодой. Лет пятьдесят, может, чуть больше. Работает руками. Что-то с машинами или с землей, руки у него все время в чем-то темном. Он был женат, но кольцо снял. Давно или недавно — не знаю. Наверное, развелся. Или… нет. Не развелся. Кольцо он снял сам, ему просто тяжело его носить.

Она замолчала. Окурок у колеса. Сплющенный фильтр. Нервы.

— Он много курит. Раньше бросал, но сейчас снова начал. Потому что ему плохо. Ему очень плохо в последнее время.

И тут случилось то, чего Лида совсем не ожидала. Где-то рядом, будто прямо у нее над ухом, прозвучал женский голос. Тихий, старческий, ласковый. Он не говорил слов, а словно напевал что-то без мелодии, как напевают бабушки над колыбелью. Лида вздрогнула и чуть не обернулась, но вовремя вспомнила — оборачиваться нельзя.

— Здесь женщина, — шепотом сказала она. — Рядом с ним. Пожилая. Она… она его жалеет. Гладит по голове, как маленького. Это мама. Его мама. Она умерла. Недавно. Ме-

сяц, может, два назад. И он до сих пор не может… Он не был на похоронах? Нет, был. Но он не успел попрощаться. Он приехал, когда она уже… Она ждала его, а он не успел. И теперь он не может себе простить.

Голос в голове затих. Лида почувствовала, что у нее по щекам текут слезы, и смахнула их рукавом.

— Она не сердится, — сказала Лида куда-то в стекло, хотя знала, что ее, наверное, не слышат. — Она хочет, чтобы вы знали. Она не сердится. Она все понимает.

Наступила тишина. Только ветер свистел в колючей проволоке на заборе, да где-то вдалеке снова закаркала ворона. Лида опустила руки и обернулась. Ланской смотрел на нее без улыбки — серьезно, внимательно. Паша опустил камеру на секунду, потом спохватился и снова поднял. Корнеев стоял, скрестив руки, и его лицо было непроницаемым.

— Спасибо, Лидия, — тихо сказал Ланской. — Ваше время закончилось. Вы можете вернуться в автобус.

— А вы откроете? — спросила Лида. — Я права?

— Узнаете вместе со всеми.

* * *

В автобусе на Лиду смотрели все. Кто с любопытством, кто с завистью, кто с недоверием. Зарина схватила ее за руку.

— Ну что? Ты что-то почувствовала? У тебя глаза красные. Ты плакала?

— Немножко, — Лида вытерла глаза. — Там… грустно было.

Аристарх, не поворачивая головы, произнес в пространство:

— Слезы — это дешевый прием. Хорошо работает на камеру.

Лида стиснула зубы. Но в этот раз ответил за нее не кто-то из участников, а шаман Айдар. Он открыл глаза и, глядя прямо на Аристарха, сказал негромко, с легким акцентом, тщательно подбирая слова:

— Духи плачут через живых. Кто не плачет — тот не слышит.

И снова закрыл глаза. Аристарх открыл рот, закрыл, отвернулся к окну, заклеенному черной пленкой. Гоша показал Айдару большой палец. Морана чуть заметно усмехнулась.

Испытание продолжалось еще больше часа. После Лиды пошли Гоша, Зарина, Людмила, Элеонора и последним — бледный медиум Виктор со своими карандашами. Гоша вернулся радостный и рассказал, что «нюхал машины», и одна из них «пахла страхом». Зарина раскладывала карты прямо на капоте и, по ее словам, «карты показали на синюю». Людмила, как выяснилось, гадала на кофейной гуще, для чего притащила с собой маленький термос с заваренным по-турецки кофе. Элеонора что-то высчитывала по звездам и времени суток. А Виктор, как сказала Зарина, подслушавшая разговор Насти с оператором, просто ходил между машинами и писал на бумаге, не глядя на нее, какие-то каракули.

Наконец всех вывели наружу и выстроили в ряд перед машинами. Ланской стоял у темно-зеленого универсала. У Лиды заколотилось сердце.

— Итак, — сказал ведущий, — наш первый тайник. Человек, которого вы искали, все это время находился вот в этом автомобиле.

Он открыл заднюю дверь универсала. Из-под груды старых одеял и брезента, сваленных на разложенных задних сиденьях, медленно выбрался мужчина. Крупный, плотный, с седой щетиной и красными от бессонницы глазами, в старой камуфляжной куртке. Он неловко потянулся, разминая затекшую спину, и Лида увидела его руки — большие, с толстыми пальцами, с въевшимся в кожу машинным маслом. На безымянном пальце белела полоска.

У Лиды подкосились ноги, и Зарина подхватила ее под локоть.

— Этого человека зовут Николай, — сказал Ланской. — Он автослесарь из Подмосковья. Он согласился участвовать в нашем испытании, потому что… Николай, может быть, вы сами скажете?

Мужчина откашлялся. Он явно не привык выступать перед камерами и смотрел куда-то в землю.

— Мама у меня умерла, — сказал он хрипло. — Два месяца назад. В деревне жила, под Рязанью. Я все собирался съездить, да работа, то одно, то другое. А потом позвонили, что ей плохо. Я поехал. А пока доехал… — Он замолчал и

потер лицо ладонью. — Не успел. Вот. Жена говорит: сходи к кому-нибудь, к психологу там. А я подумал — может, тут кто скажет… Ну, что она там. Как она.

Он поднял глаза и обвел взглядом участников.

— Кто тут… про маму говорил?

Ланской посмотрел на Лиду. Лида сделала шаг вперед.

— Я.

Николай долго смотрел на нее. Потом сказал:

— Она правда… не сердится?

— Правда, — сказала Лида. Голос у нее дрожал. — Она вас гладила по голове. Как маленького. Как будто песню пела.

Огромный мужчина вдруг всхлипнул, совсем по-детски, закрыл лицо руками и отвернулся. Плечи у него затряслись. Ланской подошел и положил руку ему на плечо. Корнеев, стоявший у столика, снял очки — оказывается, у него были очки, Лида раньше не замечала, — и долго их протирал, глядя в сторону.

— А кольцо? — тихо спросила Лида, когда Николай немного успокоился. — Вы ведь кольцо сняли?

Он посмотрел на свою руку, на светлую полоску.

— Это мамино было, — сказал он. — Отцовское, то есть. Обручальное. Мама после похорон отца мне его отдала, я носил. А после ее смерти не могу. Как надену — она перед глазами стоит. Лежит в кармане теперь. — Он похлопал по нагрудному карману куртки.

Лида кивнула. Ну вот. Не развелся. Она ведь так и сказала — «не развелся».

* * *

Результаты объявляли там же, на площадке. Ланской зачитывал их по бумажке, а участники стояли в ряд, будто школьники на линейке.

Машину нашли четверо: Лида, Айдар, Морана и — что удивило всех — Аристарх. Правда, Аристарх, как выяснилось, указал сразу на две машины, на темно-зеленый универсал и на соседний белый микроавтобус, и долго не мог решить, какая из них. Но в итоге выбрал правильно. Гоша «нюхом» нашел машину через одну. Зарина указала на синюю иномарку, Людмила — на «газель», матушка Серафима — на красную малолитражку. Кирилл назвал серебристый джип, Элеонора — черный седан, Виктор написал в своих каракулях что-то, что при желании можно было истолковать как «зеленый», но с большой натяжкой.

А Рустам выбрал синюю иномарку — ту самую, у которой валялось обгоревшее перо. Огонь, как он объяснил, «тянулся» к ней. А рассказать о человеке не смог вовсе — сказал что-то про «сильную энергетику» и «служебную деятельность», что совсем не подходило.

— По итогам первого испытания, — сказал Ланской, — и по решению наших экспертов, проект покидает… Рустам Агаев.

Рустам побагровел.

— Это несправедливо! — закричал он. — У меня огонь ни разу не ошибался! Это ветер! Ветер сбил!

— Мне очень жаль, Рустам, — мягко сказал ведущий. — Но ветер на всех дул одинаково.

Рустам что-то прорычал, сорвал с себя пару браслетов и швырнул их на гравий. Потом развернулся и пошел к микроавтобусу. Настя побежала за ним, что-то говоря на ходу. Остальные молчали. Было неловко и немного жалко этого шумного, громкого человека.

— Мог бы и поблагодарить за возможность, — процедил Аристарх.

— А ты бы поблагодарил? — неожиданно спросила Морана.

Аристарх не ответил.

Когда все шли к микроавтобусам, Корнеев вдруг догнал Лиду.

— Лидия, — сказал он своим сухим голосом. — Можно вопрос?

— Конечно.

— Про кота. И про окурок. Вы ведь могли об этом не говорить. Сказали бы, что вас вели духи, и все бы поверили. Зачем сказали?

Лида подумала.

— Меня бабушки учили не врать, — сказала она. — Когда я в деревне училась. Говорили: что есть, то и говори. И магия, она ведь не только в духах. Она и в коте тоже. И в том,

чтобы смотреть внимательно.

Корнеев долго смотрел на нее, прищурившись.

— А про маму? — спросил он. — Про то, что не успел? Это тоже кот подсказал?

Лида пожала плечами.

— Нет. Это мама подсказала.

Корнеев хмыкнул, кивнул ей коротко и пошел к своей машине. Но Лида заметила, что, проходя мимо темно-зеленого универсала, он на секунду остановился и посмотрел на пустые сиденья. Будто тоже пытался что-то услышать.

* * *

Обратно ехали уже без повязок. За окном мелькали подмосковные поселки, заборы, высоковольтные линии, перелески с первыми желтыми листьями. В салоне было тихо — все устали, и даже Гоша не шутил. Рустама, как сказала Настя, отвезли отдельно, сразу на вокзал.

Зарина задремала у Лиды на плече. Лида смотрела в окно и думала о Николае. О его больших руках, о кольце в нагрудном кармане, о том, как он плакал. Ей было и радостно, что она справилась, и очень грустно. Она вспоминала, как сама не успела попрощаться с отцом. Он умер в больнице, а она в тот день сидела на работе — сдавала квартальный отчет клиенту, у которого горели сроки. Мама позвонила в обед, сказала, что папу увезли на скорой, но врачи говорят, что состояние стабильное. И Лида решила доделать отчет, а потом поехать. Доделала. Поехала. А когда приехала, его

уже не было.

Она никогда никому об этом не рассказывала. Даже маме. Мама думала, что Лида просто застряла в пробке.

В деревне, когда она говорила с отцом через бабушек, она так и не решилась спросить, сердится ли он. Боялась услышать ответ. А сегодня сказала чужому человеку: «Она не сердится». И вдруг поняла, что говорила это не только Николаю. Но и самой себе.

Лида прижалась лбом к холодному стеклу и тихо, чтобы никто не услышал, сказала:

— Пап, прости.

За окном пролетела береза — одинокая, на краю поля, уже наполовину желтая. Лида проводила ее взглядом и почему-то улыбнулась.

* * *

Вечером участники впервые собрались вместе — не за разными столами в ресторане, а в маленькой гостиной на третьем этаже, где стояли два дивана, кресла, низкий журнальный столик и кулер с водой. Телефоны им вернули, но Настя строго предупредила: никаких звонков с подробностями, никаких фотографий, никаких постов.

— Если я увижу хоть одну сторис, — сказала она, грозно сверкнув очками, — я лично доложу Инне Владимировне. А Инна Владимировна… ну, вы сами понимаете.

— А что Инна Владимировна? — спросил Гоша.

— Инна Владимировна в прошлом сезоне выгнала участ-

ника за фотографию завтрака, на которой было видно логотип гостиницы, — шепотом сообщила Настя и исчезла.

Не все пришли в гостиную. Аристарх и Эдик остались у себя. Кирилл, сославшись на медитацию, тоже не появился. Элеонора пришла, посидела пять минут с чашкой травяного чая, вежливо со всеми поговорила о погоде и ушла спать. Матушка Серафима сидела в уголке с вязанием — Лида с удивлением заметила, что та вяжет носки, совсем как ее мама — и иногда что-то шептала, перебирая петли. Виктор Рябов сидел в кресле у окна и рисовал в своем блокноте какие-то спирали. Морана стояла у окна с бокалом красного вина, который неизвестно где достала, и смотрела на огни шоссе. Айдар сидел на диване, скрестив ноги, и молчал.

А Лида, Зарина, Гоша и Людмила оккупировали журнальный столик. Людмила притащила откуда-то пакет с печеньем, конфетами и большую банку соленых огурцов, «домашних, Петя сам солил». Гоша раздобыл в автомате чипсы. Зарина достала карты.

— Ну все, — сказала она, тасуя колоду так ловко, что карты мелькали в ее пальцах, как веер. — Теперь я тебе погадаю, ведьма. Ты сегодня была просто бомба. Я хочу посмотреть, что тебя дальше ждет.

— Может, не надо? — засмеялась Лида. — Я не очень люблю, когда мне гадают. Боюсь узнать что-нибудь страшное.

— Ой, да ладно! Таро — это не про страшное. Это про

путь. Карты показывают, куда ты идешь, а не что с тобой случится. Все можно изменить. — Зарина положила колоду перед Лидой. — Сдвинь левой рукой. К себе.

Лида сдвинула. Зарина разложила карты веером, потом выбрала из них три и положила рубашкой вверх в ряд.

— Прошлое, настоящее, будущее, — пояснила она. — Самый простой расклад. Но самый честный.

Она перевернула первую карту. На ней была изображена башня, в которую била молния. Люди падали с нее вниз головой, а из окон вырывалось пламя.

— Башня, — сказала Зарина. — Прошлое. Все рухнуло. То, что было твоей жизнью, развалилось. Неожиданно. Резко.

— Меня уволили, — кивнула Лида. — Весной. Семь лет на одном месте, и вдруг — все.

— Вот. Видишь? А теперь настоящее.

Вторая карта. Женщина в длинном одеянии сидит между двумя колоннами, белой и черной, держит на коленях свиток.

— Жрица, — сказала Зарина, и голос у нее стал тише. — Тайное знание. Интуиция. Женская сила. Ты сейчас учишься. Узнаешь то, что скрыто от других. Это прямо про тебя. Деревенская магия, бабушки… Да?

— Да, — сказала Лида, и по спине у нее пробежали мурашки.

— А теперь будущее.

Зарина перевернула третью карту и на секунду замерла. На карте был изображен скелет в черных доспехах верхом на белом коне. Перед ним лежал мертвый король, а дети и священник склонялись перед ним.

Гоша присвистнул. Людмила охнула и перекрестилась.

— Смерть, — тихо сказала Лида.

Перед глазами тут же встали два свежих холмика. Рыжая глина. Восемнадцатое декабря.

— Нет-нет-нет, — затараторила Зарина, увидев, как побледнела Лида. — Это совсем не то, что ты думаешь! Смерть в таро — это не смерть! Это перемены! Конец одного и начало другого. Старое уходит, новое приходит. Это очень хорошая карта на самом деле. Ну, почти. Она значит, что ты изменишься. Совсем. Будешь другим человеком.

— Ты уверена?

— Конечно уверена! Я этим пять лет занимаюсь. — Зарина посмотрела на карту, потом на Лиду, потом снова на карту. — Хотя… Подожди. Давай я еще одну вытащу. Уточняющую. Чтобы понять, к чему эта смерть.

Она вытянула из колоды еще одну карту и положила ее поверх Смерти. Перевернула.

На карте сидела женщина на троне, среди золотых колосьев пшеницы и зеленых деревьев. На ней было свободное платье с узором из гранатов, на голове — венец из звезд. У ног ее текла река. Женщина выглядела спокойной, умиротворенной и очень счастливой.

— Императрица, — сказала Зарина и вдруг расплылась в улыбке. — Ну вот! Я же говорила! Все хорошо!

— А что она значит?

— Плодородие. Изобилие. Богатство, кстати, тоже! Может, ты выиграешь! — Зарина хихикнула. — Но вообще главное значение — материнство. Беременность. Рождение новой жизни. Ну, в широком смысле, конечно. Может, проект новый родится. Или бизнес. Или…

Она хитро прищурилась.

— Или, может, ребенок у тебя будет?

Лида расхохоталась так, что на нее обернулась даже Морана у окна.

— Мне? — переспросила она, вытирая выступившие слезы. — Ребенок? Зарина, мне тридцать шесть лет! У меня дочь в университете! Мне внуков скоро ждать, а не детей!

— Ну и что? Сейчас и в сорок рожают!

— Для этого, знаешь ли, кое-что нужно. Кое-кто, точнее. А у меня этого «кое-кого» нет уже лет пять, если не больше. Мама меня каждый вечер пилит.

— А как же Паша? — подмигнула Зарина.

— Зарина!

— Ну что «Зарина»? Карты не врут!

Гоша, который все это время слушал, раскрыв рот, вдруг сказал:

— Слушайте, а может, это не про Лиду? Может, это про кого-то рядом? Ну, типа, карта отражает окружение?

— Гоша, ты гений, — сказала Лида. — Наверняка это про мою дочь. Она недавно познакомилась с каким-то Славой. Вот пусть она мне и не рожает пока, рано ей.

Все засмеялись, даже матушка Серафима в своем уголке тихонько улыбнулась и покачала головой. Людмила открыла банку с огурцами, и по гостиной разнесся запах укропа и чеснока. Зарина собрала карты и начала гадать Гоше — ему выпал Шут, и он страшно обрадовался, решив, что это значит «веселый и находчивый». Зарина не стала его разубеждать.

Лида взяла огурец, хрустнула им и откинулась на спинку дивана. Императрица. Смерть. Беременность. Нет, правда, смешно. Кто-кто, а она точно не собиралась больше никого рожать. Алиса — ее единственная и самая любимая, и хватит. Восемнадцать лет она жила только для дочери, и теперь, когда дочь выросла, хотелось пожить для себя. Поездить по миру, может быть. Съездить на море, наконец. Купить домик в деревне. Но ребенок? Нет уж.

Она перевела взгляд на окно и вдруг поймала на себе взгляд Мораны. Та стояла с бокалом и смотрела на Лиду неподвижными, темными, густо подведенными глазами. В них не было ни насмешки, ни злости — только какой-то холодный интерес, как у человека, который разглядывает в музее необычный экспонат. Морана заметила, что Лида на нее смотрит, отпила вина, отвернулась и ушла из гостиной, не сказав никому ни слова.

А шаман Айдар, сидевший все это время на диване напротив, вдруг тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

— Карты говорят, что видят. Люди слышат, что хотят.

— Это вы к чему? — спросила Лида.

Айдар посмотрел на нее своими спокойными узкими глазами.

— Ни к чему, — ответил он. — Просто так.

И снова замолчал, будто и не говорил ничего.

* * *

Позже, у себя в номере, Лида позвонила маме. Рассказывать подробности было нельзя, и она просто сказала, что первое испытание прошло хорошо, она осталась, а один участник уехал.

— А кто уехал? — тут же спросила Екатерина Сергеевна.

— Мам, мне нельзя говорить.

— Ну хоть намекни. Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Красивый?

— Мама!

— Ну что «мама»? Если красивый, может, ты бы с ним… ну… А он уехал. Вот так всегда у тебя.

Лида засмеялась, пожелала маме спокойной ночи и положила трубку. Потом написала Алисе: «Все хорошо. Осталась. Твоя мама — ведьма». Алиса ответила почти сразу: смайлик с ведьминой шляпой, три сердечка и «Слава говорит, что ты крутая». Лида улыбнулась и выключила телефон.

Блюдце у батареи стояло пустое. Лида налила в него немного молока, которое купила вечером в магазинчике на первом этаже, и положила рядом печенье — шоколадку больше не предлагала.

— Спасибо тебе, — сказала она тихо. — Сегодня помог. Я знаю, что это ты кота позвал.

Ответом была тишина. Но Лида и не ждала ответа. Она легла, укрылась одеялом и почти сразу уснула. Ей снилась река — широкая, медленная, с песчаным берегом и ивами, полощущими ветки в воде. На берегу кто-то стоял. Маленький, светловолосый. Мальчик. Он смотрел на нее и молчал. Лида хотела позвать его, но не знала имени. Или знала, но забыла.

А потом мальчик повернулся и пошел прочь от реки, по тропинке через заросли крапивы и лопухов, и Лида пошла за ним, но тут же проснулась.

За окном было еще темно. Часы показывали пять утра. Где-то в коридоре хлопнула дверь, послышались торопливые шаги. Потом стук в соседний номер, потом в ее дверь.

— Лидия! — раздался голос Насти, взволнованный и запыхавшийся. — Подъем! Через сорок минут выезд! Берите теплые вещи и сапоги, обязательно сапоги! Едем в деревню!

Лида рывком села на кровати.

В деревню. Вот это, кажется, ее поле.

Глава 5. Дом с историей

Ехали долго. Сначала по Москве, еще сонной, с пустыми проспектами и мигающими желтым светофорами, потом по трассе, потом по каким-то проселкам, где микроавтобус подбрасывало на каждой кочке так, что Людмила на заднем сиденье ойкала и поминала своего Петю. Повязки на глаза в этот раз не надевали, но окна снова были заклеены пленкой, и о том, куда их везут, можно было только догадываться.

Лида сидела и прислушивалась к дороге. Когда микроавтобус съехал с асфальта на грунтовку, она почувствовала, как внутри что-то радостно екнуло. Этот звук — шорох колес по гравию, стук камешков о днище, мягкое покачивание на ухабах — был ей знаком с детства. Так звучала дорога к бабушке в деревню. Так звучала дорога в Лесную.

— Сапоги, — сказала она Зарине. — Не зря просили сапоги.

— Я свои не взяла, — простонала Зарина. — У меня только кеды. Белые.

— Значит, будут черные.

Наконец микроавтобус остановился. Настя открыла дверь, и внутрь ворвался холодный утренний воздух, пахнущий дымом, навозом, прелыми листьями и яблоками. Где-то кричал петух, лаяла собака, скрипела калитка.

Лида вышла первой. Перед ней лежала деревня — самая

обычная, каких тысячи по всей России. Одна длинная улица с покосившимися столбами электропередачи, деревянные дома за серыми заборами — какие-то крепкие, покрашенные, с резными наличниками, какие-то совсем заброшенные, с провалившимися крышами и выбитыми окнами. Над несколькими трубами поднимался дымок. За домами виднелся лес, уже тронутый осенней желтизной, а в другую сторону уходило поле, заросшее бурьяном.

— Ох, — сказала Людмила, вылезая из микроавтобуса и оглядываясь. — Как у моей тетки в станице. Только у нас дома беленые, а тут деревянные.

Второй микроавтобус подъехал следом. Из него вышли Аристарх — в длинном черном пальто, с тростью и в лакированных ботинках, которые тут же утонули в грязи по щиколотку, — а за ним Эдик, Морана, Кирилл, Элеонора и остальные. Аристарх посмотрел на свои ботинки с таким выражением лица, будто его лично оскорбили, а Гоша не удержался и громко хрюкнул от смеха.

— Сапоги просили брать, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Аристарх молча смерил его взглядом. Эдик тут же присел на корточки и принялся вытирать ботинки шефа влажными салфетками.

Ланской уже стоял у одного из домов. Дом был старый, бревенчатый, потемневший от времени, но еще крепкий. Окна заколочены досками крест-накрест, на крыше — ши-

фер, местами поросший мхом, крыльцо покосилось, ступенька провалилась. Палисадник зарос высокой сухой травой, в которой торчали стебли каких-то отцветших цветов — мальвы, наверное, или золотых шаров. У калитки стояла старая, давно не крашенная лавочка.

— Доброе утро, — сказал Ланской, когда все собрались. — Добро пожаловать в деревню Сосновка Тверской области. Перед вами — дом. Самый обычный деревенский дом. Только в нем тридцать лет никто не живет. Тридцать лет назад здесь случилась трагедия, о которой до сих пор шепчутся местные жители. Ваша задача — понять, что здесь произошло. Кто здесь жил, что с ними случилось и почему дом опустел.

Он сделал паузу.

— Как вы, наверное, заметили, телефонов у вас нет. Интернета тоже. Так что придется обойтись своими силами. У вас есть весь день до заката. Вы можете ходить по деревне, разговаривать с кем угодно, заходить в дом. Но помните — Вадим Петрович будет внимательно следить за тем, откуда вы получаете информацию.

Корнеев, стоявший у калитки в своем сером плаще и в резиновых сапогах — Лида с удивлением отметила, что он, в отличие от Аристарха, тоже подготовился, — коротко кивнул.

— Вперед, — сказал Ланской. — Удачи.

* * *

Участники разошлись в разные стороны. Аристарх с важным видом направился прямо к крыльцу дома, постукивая тростью. Морана обошла дом кругом и встала у заднего угла, положив ладонь на бревно. Айдар отошел к краю поля, сел прямо на землю, достал из чехла бубен и замер. Матушка Серафима зажгла свечу и, прикрывая пламя ладонью, медленно пошла вдоль забора. Виктор сел на лавочку у калитки и принялся быстро писать в своем блокноте. Кирилл достал из кармана какой-то маятник на цепочке и начал раскачивать его над землей, что-то бормоча про числа. Гоша, недолго думая, встал на четвереньки и стал нюхать траву у забора, отчего Паша с камерой чуть не упал со смеху.

А Лида стояла посреди улицы и думала.

Вот оно. То, о чем говорила Никифоровна. «Вот поедешь ты на задание, а там какая-то небольшая деревня или село. Зашла в интернет, прочитала, что тут происходило, потом быстренько пробежалась по социальным сетям местных жителей». Только интернета нет. Телефона нет. Соцсетей нет. И что теперь?

«Ну тогда давай по-настоящему, Лидочка», — сказала бы баба Маша.

Лида усмехнулась. А ведь Никифоровна говорила и другое. «Разговаривать надо чаще и со всеми. В деревнях все друг друга знают и всегда помогают». Интернет — это ведь только способ узнать то, что люди и так знают. А тут люди — вот они. Живые. Ходят по улице, топят печки, кормят кур.

Лида огляделась. Дальше по улице, у колодца — настоящего, деревянного, с журавлем, — стояли две старушки с ведрами. Одна высокая, грузная, в стеганой куртке и цветастом платке, другая маленькая, сухонькая, в длинном темном пальто и вязаной шапке. Они не набирали воду. Они стояли и смотрели на съемочную группу — с тем жадным, неприкрытым любопытством, с каким смотрят деревенские старушки на все, что происходит необычного.

У Лиды сжалось сердце. Они были так похожи на бабу Машу и Никифоровну, что на секунду ей показалось — это они и есть. Приехали посмотреть, как она тут справляется.

Она подошла к колодцу. Паша, заметив это, оторвался от Гоши и пошел следом с камерой, но Лида обернулась и попросила:

— Паш, можно ты чуть подальше постоишь? А то бабушки испугаются.

Паша хотел что-то возразить, но посмотрел на нее, потом на старушек, вздохнул и отошел метров на десять, взяв общий план.

— Здравствуйте, — сказала Лида, подойдя к колодцу.

— Здравствуй, здравствуй, — откликнулась высокая. Голос у нее был звучный, раскатистый. — Это вы, что ли, из телевизора?

— Мы.

— А чего снимаете-то? Кино?

— Шоу. Про экстрасенсов.

— Это которые колдуны-то? — оживилась маленькая. — По субботам? Я смотрю! Я всегда смотрю! Там в прошлом году такой был, с бородой, все по рукам читал. Ох и страшный!

— Тихо ты, Шура, — шикнула на нее высокая. — Мало ли кто там был. — И уже Лиде: — А ты, значит, тоже колдунья?

— Ведьма, — улыбнулась Лида. — Деревенская.

— Да ну? — Высокая оглядела ее с головы до ног — джинсы, куртку, бабушкин платок, зеленые сапоги с желтыми полосками. — Что-то не похожа. Те-то вон в черном все. А ты как наша почтальонша.

— Меня две бабушки учили. В деревне. Вот совсем как вы — одна высокая, другая маленькая. Баба Маша и Вера Никифоровна. Они тоже говорили, что в черном только дураки ходят.

Старушки переглянулись и вдруг засмеялись — обе разом, одинаково, мелким довольным смехом.

— Ну это они правильно говорили, — сказала высокая. — Я Нюра. Анна Степановна, то есть. А это Шура. Александра Михайловна. Мы тут с ней всю жизнь живем. Последние, считай. Еще дед Коля на том конце, да дачники летом приезжают. А так никого.

— А можно я с вами постою? — спросила Лида. — Я тут ничего не знаю. А вы все знаете.

Баба Нюра прищурилась.

— А ты чего, выведать хочешь? Про Ермолаевых-то?

— Про кого?

— Ну, про дом этот. — Баба Нюра кивнула на заколоченную избу. — Это ж Ермолаевых дом. Вы ведь про него приехали?

— Нюра! — Баба Шура дернула ее за рукав. — Нельзя им, наверное, подсказывать! Ты чего!

— А чего нельзя? Я ничего не сказала. Я только фамилию.

Лида почувствовала, как кровь прилила к щекам. Вот оно. Так легко. Стоит только спросить — и они расскажут все. Ей даже не нужно будет ничего видеть и чувствовать. Просто выслушать. И потом пересказать Ланскому, с загадочным лицом, будто это открыли ей духи. Никто не узнает. Ну, кроме Корнеева, который, конечно, будет потом опрашивать местных. Но даже если узнает — разве это обман? Разве не этому учила ее Никифоровна?

«Хочешь получить расположение клиента — просто выслушай клиента, он сам все расскажет», — говорила баба Маша.

Но ведь это не клиент. Это испытание. И Инна сказала: любая попытка получить информацию о задании — дисквалификация.

Лида отступила на шаг.

— Знаете, — сказала она, — вы мне лучше ничего не рассказывайте. Правда. А то меня потом выгонят. Скажут, что я у вас все выспросила.

Баба Нюра посмотрела на нее с уважением.

— Честная, значит?

— Стараюсь.

— Ну это хорошо, — сказала баба Нюра. — А то утром тут один уже ходил, выспрашивал. Шуре конфет совал.

— Какой один? — насторожилась Лида.

— Да такой… толстенький, в очках, — баба Шура показала руками, какой он был толстенький. — Рано утром приехал, еще затемно, на легковушке. Говорит, я из телевизора, мне для сюжета надо, какие тут в деревне истории интересные. Я ему и рассказала. А он мне конфет коробку дал. Хороших, с орехами. Ой… — Она прикрыла рот ладонью. — А может, не надо было?

У Лиды внутри все похолодело. Толстенький, в очках. Эдик. Секретарь Аристарха. Но ведь он ехал во втором микроавтобусе вместе с Аристархом… Или нет? Лида не помнила, чтобы видела его, когда садились у гостиницы. Она видела только Аристарха. А Эдик появился, когда второй микроавтобус уже подъехал. Или он подошел откуда-то сбоку, когда все выходили?

— А он про что спрашивал? — осторожно спросила Лида.

— Да про все. Про Ермолаевых больше. Кто жил, как помер, почему дом пустой. — Баба Шура вздохнула. — Ну я и рассказала. Чего скрывать-то? Вся деревня знает.

Лида кивнула. Внутри поднималась злость — горячая, как в детстве, когда кто-то списывал у нее контрольную, а потом получал пятерку, а она четверку. Но она вспомнила бабу

Машу: «Плохой человек он сам себя выдает, ему только не мешать надо». И заставила себя улыбнуться.

— Спасибо вам, — сказала она. — Только мне ничего не рассказывайте. Я сама. Можно я у вас только воды попрошу? Немножко. В баночку.

— Воды? — удивилась баба Нюра. — Да бери, конечно, хоть ведро. Колодец общий.

Лида достала из рюкзака маленькую пластиковую бутылочку из-под воды, которую взяла в гостинице, вылила остатки на землю и наполнила ее из ведра бабы Нюры. Вода была ледяная, прозрачная, пахла камнем и чем-то сладковатым.

— А ты чего с ней делать будешь? — с любопытством спросила баба Шура.

— Спрашивать, — сказала Лида. — Вода все помнит. Меня так учили.

Старушки снова переглянулись, и на этот раз в их взглядах было что-то новое. Не любопытство, а узнавание.

— Это правда, — тихо сказала баба Шура. — Моя бабка так же говорила. Вода все помнит. Иди, дочка. С богом.

* * *

К дому Лида подошла не сразу. Сначала она обошла его вокруг — медленно, не торопясь, приглядываясь ко всему. Остальные участники уже по нескольку раз побывали внутри. Входная дверь была не заколочена, а просто подперта старым кирпичом, и ее то открывали, то закрывали, и она каждый раз жалобно скрипела. Аристарх стоял в сенях и что-

то громко и уверенно говорил на камеру — Лида не стала прислушиваться. Морана по-прежнему стояла у заднего угла, прижав ладонь к бревну, с закрытыми глазами, и казалось, что она не шевелилась уже целый час.

За домом был огород — бывший огород, давно превратившийся в пустырь, заросший лебедой, крапивой и полынью. Лида сорвала стебелек полыни, растерла его в пальцах и вдохнула. Тот же запах, что и в ее мешочке. Как будто привет из Лесной.

А дальше, в глубине участка, у самого забора, отделявшего огород от поля, Лида увидела что-то странное. Прямоугольник земли, на котором трава росла как-то иначе — ниже, реже, и сквозь нее проглядывала черная, будто обугленная, почва. По краям прямоугольника из земли торчали остатки толстых бревен, тоже черные, превратившиеся почти в уголь. Здесь когда-то стояла постройка. Сарай, может быть. Или хлев.

Лида подошла ближе и присела на корточки. Сунула руку в траву и коснулась земли. Земля была холодная и влажная, как везде. Но когда Лида закрыла глаза, ей вдруг стало жарко. Так жарко, будто она сунула руку в печку. Она отдернула ладонь и посмотрела на нее — ничего, никакого ожога. Обычная ладонь, только в земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.